

XIV. Записки профессоръ и преподавателей Академіи П. Цвѣткова, Н. Заозерскаго, М. Муретова, П. Соколова, Н. Городенскаго и С. Смирнова о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрѣсти для академической библиотеки.

Опредѣлили: Поручить библиотечарю Академіи Константину Попову выписать для академической библиотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 18 марта текущаго 1902 года, дѣйствительный студентъ Академіи выпуска 1898 года *Леонидъ Багрецовъ* сдалъ новыя устныя испытанія по четыремъ предметамъ академическаго курса и получилъ слѣдующіе баллы: по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ — 4½; исторіи философіи — 4+, нравственному богословію — 4 и догматическому богословію — 4+.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Прошеніе дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1898 года Дмитрія *Лебедева*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ представить на соисканіе степени кандидата богословія сочиненіе на слѣдующую тему: „Изъ исторіи православной пасхали: „основаніе“ и „эпакта“.

Опредѣлили: Разрѣшить дѣйствительному студенту Лебедеву представить кандидатское сочиненіе на указанную въ его прошеніи тему.

XVII. Разсуждали о производствѣ повѣрочныхъ испытаній студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1902 года для поступленія въ составъ новаго (LXI) академическаго курса по назначенію начальства и по собственному желанію.

Справка: 1) Опредѣленіемъ Святейшаго Синода отъ 4—13 декабря 1901 года за № 4939 постановлено: „установить общимъ для всѣхъ духовныхъ академій правиломъ, чтобы поступающимъ въ нихъ пріемныя испытанія производились, въ предѣлахъ семинарскаго курса, по *Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завета, догматическому богословію, церковной исторіи общей и русской и одному изъ древнихъ языковъ по*

выбору самихъ студентовъ: независимо отъ сего, экзаменуемые должны написать на заданныя темы сочиненія по нравственному богословію, философскимъ предметамъ и поученію“. 2) Указомъ Святейшаго Синода отъ 8 марта 1873 года за № 10 Совѣтамъ Академіи вмѣнено въ обязанность, чтобы они при приемѣ воспитанниковъ семинарій въ Академіи обращали самое строгое вниманіе на состояніе ихъ здоровья и подвергали всѣхъ, явившихся къ испытанію, надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію. 3) По § 81 лит. б п. 2 устава духовныхъ академіи „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи“ значителен въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Поручить академическому врачу Сергѣю *Успенскому* подвергнуть, въ присутствіи о. Инспектора Академіи *Архимандрита Евдокима* и члена Правленія Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Николая *Каптерева*, 16 и 17 августа 1902 года надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію всѣхъ прибывшихъ для поступленія въ составъ новаго академическаго курса.—2) 19, 20 и 21 августа назначить письменныя испытанія: по философіи (19), нравственному богословію (20) и составленію поученія (21).—Тему для перваго сочиненія поручить дать исправляющему должность доцента Академіи Павлу *Тихомирову*, для втораго—исправляющему должность доцента Николаю *Городенскому*, для поученія—о. Инспектору Академіи *Архимандриту Евдокиму*.—Чтеніе и оцѣнку сочиненій поручить, кромѣ преподавателей, дающихъ темы, слѣдующимъ лицамъ: перваго—исправляющему должность доцента Академіи Павлу *Соколову*, втораго—Преосвященному Ректору Академіи *Епископу Арсенію*, поученія—исправляющему должность доцента Академіи *іеромонаху Іосифу*.—Всѣ темы должны быть предварительно представлены Преосвященному Ректору Академіи.—3) 24 и 26 августа произвести испытанія по древнимъ языкамъ посредствомъ комиссіи изъ заслуженнаго ординарнаго профессора Петра *Цыткова*, ординарнаго профессора Митрофана *Муретова* и исправляющаго должность доцента Евгения *Воронцова*.—4) 27, 28 и 31 августа произвести устные испытанія по Священному Писанію Вѣтхаго и Новаго Завѣта, догматическому богословію и церковной исторіи—общей и

русской—посредствомъ комиссіи: по Священному Писанію—изъ Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Арсенія*, ординарнаго профессора Митрофана *Муретова* и экстраординарнаго профессора Василия *Мышцына*; по догматическому богословію—изъ о. Инспектора Академіи *Архимандрита Евдокима*, заслуженнаго ординарнаго профессора Александра *Бляева* и экстраординарнаго профессора Александра *Шостына*; по церковной исторіи—изъ заслуженнаго ординарнаго профессора Василия *Соколова*, экстраординарнаго профессора Анатолия *Спаскаго* и исправляющаго должность доцента Сергѣя *Смирнова*. — 5) 2 сентября произвести устные испытанія дѣйствительныхъ студентовъ Академіи, ищущихъ степени кандидата богословія, и переводныя испытанія студентовъ первыхъ трехъ курсовъ, не державшихъ оныхъ въ маѣ мѣсяцѣ по болѣзни.—6) Постановленія сѣи представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1902 г. Іюля 16. По ст. VI. Дѣйствительный студентъ Академіи Александръ Успенскій утверждается въ степени кандидата съ правомъ не держать устнаго испытанія при исканіи степени магистра. По ст. VII. Разрѣшается на текущій 1902-й годъ, въ пособіе на издательское дѣло Академіи, получить изъ суммъ Перервинскаго монастыря 2000 рублей. Прочее смотрѣно и утверждается“.

5 іюня 1902 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: С. Глаголева, І. Татарскаго, А. Голубцова, А. Введенскаго, И. Попова и И. Андреева.

Слушали: І. Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшій 1901 — 1902 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи“.

По рассмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) Изъ 58 студентовъ I курса: а) не держали по болѣзни устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ курса студенты: *Адамовъ Иванъ*, іеромонахъ *Антоній*, *Бяляевъ Иванъ* и *Палицынъ Иванъ*; б) по двумъ предметамъ — студентъ *Никольскій Александръ*. Изъ нихъ: іеромонахъ *Антоній* не представилъ всѣхъ трехъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди, *Бяляевъ Иванъ*—двухъ семестровыхъ сочиненій и *Палицынъ Иванъ*—двухъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди. — Отъ всѣхъ означенныхъ студентовъ, за исключеніемъ іеромонаха *Антонія*, находящагося въ лѣчебницѣ душевно-больныхъ и предназначеннаго Правленіемъ Академіи къ увольненію изъ числа студентовъ, поступили въ Совѣтъ Академіи прошенія: отъ *Бяляева* и *Палицына* — объ оставленіи въ I курсѣ на второй годъ, отъ *Адамова* и *Никольскаго*—о разрѣшеніи сдать устныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1902 года. — в) Поведеніе 46-ти студентовъ обозначено балломъ 5, 7-ми — балломъ 5—, 1-го — балломъ 5— 1-го—балломъ 4+, и 3-хъ—балломъ 4.

2) Изъ 53 студентовъ II курса: а) *Флоровъ* Василій по болѣзни не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ курса и не представилъ двухъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди; б) *Вершинскій* Георгій не держалъ устныхъ испытаній по двумъ предметамъ; в) *Драганчулъ* Николай не представилъ одного семестроваго сочиненія. — Отъ всѣхъ означенныхъ студентовъ поступили въ Совѣтъ Академіи прошенія: отъ *Флорова*—объ оставленіи во II курсѣ на второй годъ, отъ *Вершинскаго* и *Драганчула*—о разрѣшеніи первому сдать устныя испытанія, а второму — представить семестровое сочиненіе послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1902 года. — г) Поведеніе 35-ти студентовъ обозначено балломъ 5, 8-ми — балломъ 5—, 2-хъ — балломъ 5—, 6-ти—балломъ 4 и 2-хъ—балломъ 4—.

3) Изъ 58 студентовъ III курса: а) *Строевъ* Александръ по болѣзни не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ курса, не представилъ двухъ семестровыхъ сочиненій и проповѣди и ходатайствуетъ о разрѣшеніи остаться въ III курсѣ на второй годъ. б) Поведеніе 37-ми студентовъ обозначено балломъ 5, 13-ти—балломъ 5—, 4-хъ—балломъ 5—, 1-го—балломъ 4+, 2-хъ—балломъ 4 и 1-го—балломъ 4—.

Справка: 1) §§ 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса“. 2) По § 81 лит. а п.п. 4—5 устава духовныхъ академій: „составленіе списка студентовъ послѣ испытаній и переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность позволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣ-каникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высочайшаго Преосвященства.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I, II и III курсовъ Академіи, — перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) *во II курсъ* — студентовъ I курса: 1) Россейкина Теодора, священника Рождественскаго Димитрія, Дверницкаго Арсенія, Каэласа Александра, 5) Новочадова Владиміра, Смирнова-Косташа Николая, Бориса Антона, Левитова Василія, Федоровскаго Михаила, 10) Роздольскаго Александра, Дьяченко Николая, Протопопова Виктора, Розанова Владиміра, священника Боголюбова Владиміра, 15) Лебедева Ивана, Чистякова Ивана, Громцева Николая, Успенскаго Константина, Никитскаго Владиміра, 20) Златоустава Павла, Бѣлявскаго Андрея, Попцова Михаила, Евсѣева Константина, Петропавловскаго Александра, 25) Смирнова Николая, Никольскаго Павла, Дгебуадзе Ивана, Шафранова Николая, Явойскаго Ивана, 30) Виндряевскаго Михаила, Булгыгина Сергѣя, Лясковскаго Николая, Тихонравова Сергѣя, Демьянова Григорія,

35) Смирнова Михайла, Благоволина Θεодора, Добротворскаго Николая, Грандилевскаго Александра, Иванова Петра, 40) Троицкаго Александра, Нежданова Алексѣя, Батина Александра, Соловьева Михайла, Ястребова Николая, 45) Ершова Филиппа, Павскаго Григорія, Стоянова Ивана, Станиславскаго Ивана, Неутрїевскаго Ивана, 50) ієродіакона Панагета (Наумова), Божовича Григорія, Соболева Всеволода и 53) Орлова Митрофана.

б) *въ III курсъ*—студентовъ II курса: 1) Орлова Анатолїя, Гречева Бориса, Остроумова Михайла, Одинцова Михайла, 5) Богородскаго Николая, Кобриня Николая, Покровскаго Николая, Максимовича Владана, Старокадомскаго Григорія, 10) Лозинскаго Николая, Дорошевскаго Θεодора, Волотовскаго Михайла, Буравцева Николая, Василькова Павла, 15) Шарапова Алексѣя, Кирикова Владиміра, Бєззина Василїя, Свамицкаго Павла, Береснева Платона, 20) Соколова Алексѣя, Цвѣткова Владиміра, Недригайлова Ивана, Богословскаго Сергѣя, Трапицына Василїя, 25) Созонова Михайла, Воскресенскаго Николая, Немѣшаева Дмитрія, Кутузова Михайла, Казанскаго Николая, 30) Ієремича Божидара, Ястребцева Михайла, Платонова Михайла, Адамова Ивана, Лукшина Александра, 35) Дьяченко Владиміра, Жиромскаго Іосифа, Судакова Ивана, ієродіакона Алексїя (Симанскаго), священника Добротворскаго Василїя, 40) Минераллова Александра, Моисеева Александра, Звѣрева Георгія, Архангельскаго Михайла, Плотникова Евгенія, 45) Казанцева Николая, Антонова Александра, Ильинскаго Сергѣя, Денисова Константина, Крестіанполя Павла и 50) Артемьева Василїя.

в) *въ IV курсъ* — студентовъ III курса: 1) Малевича Анатолїя, Туницкаго Николая, Троицкаго Дмитрія, Зеленцова Ивана, 5) Шестова Александра, Успенскаго Константина, Струминскаго Василїя, Спасскаго Алексѣя, Фигуровскаго Ивана, 10) Соловьева Николая, Воскресенскаго Ивана, Линькова Александра, священника Купленскаго Владиміра, Готовачева Потапа, 15) Алмазова Михайла, Славгородскаго Николая, Кудинова Павла, архимандрита Діонисія (Марангудакиса), Спиридонова Дмитрія, 20) Заозерскаго Александра, ієромонаха Арсенія (Жадаповскаго), Воронова Николая, Богоявленскаго Дмитрія, Муравьева Василїя, 25) Фіолетова Сергѣя, священника Никитина Тихона, Чулкова Павла, Кесарїїскаго Ивана.

Чанишвили Георгія, 30) Пушкина Бориса, Студенскаго Аркадія, Лепехина Николая, Чернавскаго Александра, Соболева Александра, 35) Тсолакиса Савву, Неклюкова Петра, Анисимова Петра, Лучипина Льва, Цвѣткова Сергѣя, 40) Рязскаго Константина, Знаменскаго Василя, Зеленина Николая, Ареѣева Ивана, Успенскаго Михаила, 45) Смирнова Александра, Нечаева Ксенофонта, Орлова Дмитрія, Попова Христо, Бунтовникова Стефана, 50) Покровскаго Дмитрія, Пятницкаго Ивана, іеродіакона Аѳанасія (Трифонова), Абурруса Илью, іеродіакона Иларіона (Николова), 55) Евладова Петра, Ващенко Григорія и 57) Высотскаго Павла.

2) Студентовъ: I курса Ивана *Бѣляева* и Ивана *Палицына*, II курса—Василя *Флорова* и III курса Александра *Строева* оставить, по болѣзни, въ тѣхъ же курсахъ на второй годъ.—

3) Студентамъ: *Адалову* Ивану (I к.), не державшему устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ I курса, *Никольскому* Александру (I к.), не державшему устныхъ испытаній по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ и древней гражданской исторіи, *Вершинскому* Георгію (II к.), не державшему устныхъ испытаній по исторіи философіи и психологін, и *Драганчулу* Николаю (II к.), не представившему семестроваго сочиненія по исторіи философіи, дозволить, въ виду засвидѣтельствованнаго академическимъ врачомъ болѣзненнаго состоянія ихъ, исполнить означенныя обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1902 года. 4) Постановление, изложенное въ п. 3-мъ, представить на Архiepастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія“.

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что изъ 49-ти студентовъ IV курса:

1) 11 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса баллъ не менѣе 4¹/₂, 26—не менѣе 4 и 12—не менѣе 3.

2) 2 студента: *Мачкичъ* Іованъ и *Поповъ* Леонидъ не представили кандидатскихъ сочиненій.

3) Неудовлетворительные для степени кандидата баллы за четыре года академическаго курса имѣютъ студенты: *Бур-*

Ковичъ Тома, сербскій уроженецъ,—на устномъ испытаніи по русскому языку — $2\frac{1}{2}$ и на семестровыхъ сочиненіяхъ: по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ— $2\frac{1}{2}$, исторіи философіи—2, русской церковной исторіи—1 и нравственному богословію— $2+$; *Валюженичъ Владиміръ*—на семестровомъ сочиненіи по библейской археологіи — 2—; *Воробьевъ Владиміръ* — на семестровомъ сочиненіи по древней гражданской исторіи— $2+$ и на проповѣди за II курсъ— $2\frac{1}{2}$; священникъ *Горбаневскій Филиппъ*—на устныхъ испытаніяхъ: по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ — $2\frac{1}{2}$, по метафизикѣ — $2\frac{1}{2}$; на семестровыхъ сочиненіяхъ: по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ— $2\frac{1}{2}$, по исторіи философіи—1, по библейской археологіи— $2+$, по русской церковной исторіи—2, по нравственному богословію — $2+$ и на проповѣди за III курсъ — $2\frac{1}{2}$; *Давидовичъ Светиславъ*, сербскій уроженецъ,—на устномъ испытаніи по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ— $2\frac{1}{2}$ (при общемъ баллѣ ниже 4); *Мачкичъ Іованъ*, сербскій уроженецъ—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по метафизикѣ — $2+$, по библейской исторіи— $2\frac{1}{2}$; *Никольскій Алексѣй* — на семестровыхъ сочиненіяхъ: по исторіи философіи—2, по библейской археологіи— $2\frac{1}{2}$ и на проповѣдяхъ: за I курсъ— $2\frac{1}{2}$ и за II курсъ— $2+$; *Остроумовъ Николай*—на семестровомъ сочиненіи по нравственному богословію — 2—; *Саввичъ Симонъ*, сербскій уроженецъ — на устныхъ испытаніяхъ: по еврейскому языку— $2\frac{1}{2}$, библейской археологіи— $2+$ и русской церковной исторіи— $2\frac{1}{2}$; на семестровыхъ сочиненіяхъ: по библейской археологіи— $2\frac{1}{2}$, по патристикѣ — $2\frac{1}{2}$, русской церковной исторіи—2 и пастырскому богословію и педагогикѣ — $2\frac{1}{2}$; *Фотопулосъ Константинъ*, греческій уроженецъ—на семестровыхъ сочиненіяхъ: по русской церковной исторіи— $2\frac{1}{2}$ и по нравственному богословію— $2\frac{1}{2}$.

4) Поведеніе за истекшіи 1901—1902 учебный годъ у 46-ти студентовъ отмѣчено балломъ 5, у 2-хъ — балломъ 5— и у 1-го—балломъ 4.

б) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 47 студентовъ IV (I.VII) курса:

1) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Ансерова Петра* на тему: „Характеристическія черты патріаршей формы церковнаго управленія въ древней Руси“:

„Названное сочинение представляет собою произведение, исчерпывающее тему полно, основательно, обработанное, цѣльное и законченное. Оно состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) предисловія (1—21), 2) введенія (22—44), 3) семи главъ (45—465), 4) подробнаго оглавленія и 5) указанія литературы предмета.

Точкою отправленія для автора служитъ мысль о всестороннемъ вліяніи византизма на строй древне-русской жизни гражданской и церковной въ періодъ зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха и о видоизмѣненіи формъ церковнаго устройства подъ вліяніемъ національнаго уклада въ періодъ самостоятельности русской церкви, когда установлено и русское патріаршество. Отсюда произошло то, что патріаршее управление хотя и устроилось у насъ на основахъ греческаго, но весьма значительно видоизмѣнилось подъ вліяніемъ національныхъ условій. Указаніе характеристическихъ чертъ этого видоизмѣненія и составляетъ задачу сочиненія. Авторъ почитаетъ возможнымъ свести эти характеристическія черты къ слѣдующимъ группамъ:

1. Общій взглядъ на патріаршую власть въ Греціи и въ Россіи (введеніе).

2. Особенности порядка избранія и поставленія русскаго патріарха (гл. 1).

3. Особенности патріаршаго богослуженія (гл. 2).

4. Отношеніе русск. патріарха къ константинопольскому и прочимъ восточнымъ патріархамъ и значеніе его въ русской іерархіи (гл. 3).

5. Административная власть патріарха (гл. 4), ревизіонная, судебная. Отношеніе патріарха къ собору епископовъ.

6. Экономическая сторона патріаршаго управленія (гл. 6).

7. Отношеніе патріаршей власти къ государственной.

Какъ показываетъ приложенный къ сочиненію перечень неточннковъ и пособій, бывшихъ подъ руками у автора, онъ вполне овладѣлъ своею темою и раскрылъ ее весьма полно: языкъ сочиненія ясный и обработанный. Признаю автора достойнымъ искомой имъ степени кандидата богословія“.

2) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Артоболескаго Сергѣя*: „Игнатій, архіепископъ воронежскій, какъ дѣятель противъ раскола“:

„Сочиненіе г. Артобелевскаго представляет собою превосходную историческую монографію, посвященную личности преосв. Игнатія, архіепископа воронежскаго (ранѣе—послѣдовательно—олонецкаго и донскаго) и его дѣятельности, какъ борца противъ старообрядческаго раскола. Нѣтъ надобности передавать здѣсь содержаніе этого обширнаго (X+902+LXXIX стр.) труда: вполне ясное и отчетливое представленіе о немъ даетъ подробное оглавленіе, помѣщенное вначалѣ и занимающее десять страницъ. Уже изъ этого оглавленія легко можно видѣть, что разсматриваемое произведеніе обнимаетъ свой предметъ съ замѣчательною полнотою, свидѣтельствуя о прекрасной научной подготовкѣ автора и широкомъ пониманіи имъ своей задачи. Ближайшее ознакомленіе съ сочиненіемъ еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ: каждая новая страница даетъ новыя и вѣскія доказательства, что мы имѣемъ дѣло съ серьезнымъ, не школьническимъ трудомъ, опирающимся на массу сырого, еще никѣмъ не использованнаго, съ большимъ трудомъ собраннаго матеріала,—трудомъ, выполненнымъ съ примѣрнымъ усердіемъ и проникнутымъ похвальною любовью къ свѣтлой личности приснопамятнаго іерарха отечественной церкви. Можно только отмѣтить, что увлеченіе нашего автора этою личностію по мѣстамъ какъ будто переступаетъ границы, выражаясь въ не вполне объективной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ ученыхъ трудовъ преосвященнаго Игнатія (см., напр., стр. 628—632 и 703) и въ склонности изслѣдователя умиляться ораторскимъ успѣхомъ проповѣдника, восхваляющаго пользу аракеевскихъ военныхъ поселеній (стр. 42), не меньше, чѣмъ просвѣтительною дѣятельностію почившаго архипастыря какъ профессора и ректора, или истинно-пастырскимъ отношеніемъ его къ заблуждающимся въ вопросахъ вѣры. Но такое увлеченіе, вполне понятное со стороны изслѣдователя, съ любовію изучавшаго многоплодную дѣятельность замѣчательнаго іерарха, и не менѣе того оправдываемое личными качествами этого послѣдняго, не можетъ быть поставлено въ большую вину нашему автору. За исключеніемъ же этого недостатка (если необходимо признать недостаткомъ указанное свойство изслѣдованія), сочиненіе г. Артобелевскаго съ полнымъ правомъ можетъ быть признано произведеніемъ, не оставляющимъ желать ничего лучшаго

въ качествѣ срочной курсовой работы. Поэтому, признавая автора вполне достойнымъ искомой степени, вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ отмѣтить его трудъ, какъ заслуживающій особаго вниманія со стороны академическаго Совѣта“.

3) Заслуженнаго ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Аванасьева Сергѣя*: „Св. Левъ, папа Римскій:“

„Сочиненіе г. Аванасьева состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Во введеніи изображается политическое и религиозное состояніе общества въ Западной Римской Имперіи въ первой половинѣ V вѣка и значеніе, какимъ пользовался въ это время Римъ и его епископъ. Въ первой главѣ (стр. 26—156) сообщаются біографическія свѣдѣнія о Св. Левѣ и изображается церковно-общественная дѣятельность его, какъ защитника православія и какъ охранителя церковной дисциплины и поборника правъ Римской каѳедры. Во второй главѣ (стр. 157—267) говорится о Св. Левѣ, какъ писателѣ богословѣ, излагается ученіе его о Лицѣ Иисуса Христа и по томъ указуются нѣкоторыя черты его нравоученія.

Изображая обстоятельно противодѣйствіе, оказанное Св. Львомъ распространенію еutihianства, авторъ разбираемаго сочиненія изображаетъ его борьбу съ другими ересями далеко не съ тою полнотою, какая была бы желательна для всесторонняго представленія широкой противоеретической дѣятельности знаменитѣйшаго изъ Римскихъ папъ V вѣка. Точно также, характеризуя Св. Льва, какъ охранителя церковной дисциплины и поборника правъ и привилегій Римской каѳедры, авторъ говоритъ только о двухъ моментахъ этой дѣятельности, именно, о борьбѣ съ Иларіемъ, епископомъ Арелатскимъ, и Анатоліемъ, епископомъ Константинопольскимъ, хотя защитникомъ церковныхъ каноновъ и, въ особенности, правъ Римской каѳедры Св. Левъ являлся и въ другихъ случаяхъ.

Есть нѣкоторая неполнота и во второй главѣ сочиненія. Изложенію догматическихъ и нравственныхъ воззрѣній Св. Льва предпосланъ перечень его сочиненій и самая общая характеристика ихъ, но не указано ни содержанія его словъ и писемъ, ни поводовъ, по которымъ произносились слова и писались письма.

Изложеніе ученія Св. Льва объ Иисусѣ Христѣ несомо-

стоятельно. Излагая это учение, г. Аванасьевъ ограничивается передачею на русскомъ языкѣ сужденій Куна, высказанныхъ въ книгѣ „Die Christologie Leo's des Grossen“.

Не имѣя надлежащей полноты, сочиненіе г. Аванасьева представляетъ вѣрно наиболѣе крупные факты и наиболѣе выдающіяся стороны въ церковно-общественной дѣятельности Св. Льва.

Къ достоинствамъ сочиненія г. Аванасьева должно быть отнесено и живое изложеніе“.

4) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Беневоленскаго Николая*: „Первые дни христіанства—историческій комментарий на первыя пять главъ книги Дѣяній Апостоловъ“:

„Обширный трудъ автора состоитъ изъ маленькаго введенія (1—18 стр.), посвященнаго общей характеристикѣ христіанской церкви даннаго времени, — постишнаго комментарія на Дѣян. 1, 1 — 5, 16 (стр. 20—777), — заключительнаго примѣчанія, состоящаго изъ характеристики древне-христіанскихъ толкованій на книгу Дѣяній сравнительно съ новѣйшимъ экзегесомъ,—перечня источниковъ и пособій работы и выдержекъ изъ нихъ, касающихся нѣкоторыхъ частныхъ предметовъ сочиненія (стр. 777—828).

Главную отличительную особенность этого труда составляетъ его катенообразный и компилятивный характеръ: весь онъ состоитъ изъ многочисленныхъ и обширныхъ дословныхъ выдержекъ на каждый стихъ толкуемаго отдѣла Дѣяній, главнымъ образомъ изъ древне-христіанскихъ писателей: Златоуста, Фотія, Пкуменія, Кассіодора, Беда, а иногда также—Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Θεодорита, Григорія Великаго и многихъ другихъ по катенамъ Крамера,—и частію новѣйшихъ ученыхъ, какъ русскихъ—Горскаго и Михаила, такъ и иностранныхъ—Неандера, Гаусрата, Холеманна, Фаррара, Штора, Кейля, Фельтена, Мейера-Вендта, Кнабенбауера и др.

Выдержки изъ древне-христіанскихъ писателей, сдѣланныя частію по свѣренному съ подлинникомъ русскому переводу (Златоустъ, Кириллъ Іерусалимскій), но въ большинствѣ своемъ самостоятельно переведенныя авторомъ съ греческаго и латинскаго подлинниковъ, составляютъ главное достоинство труда г. Беневоленскаго и даютъ ему значительную

цѣнность въ русской богословской литературѣ, какъ обильный справочный экзегетическій матеріалъ, весьма цѣнный для всѣхъ русскихъ богослововъ. Кромѣ того авторъ обнаруживаетъ вполне достаточное знаніе еврейскаго языка въ объясненіи немалочисленныхъ цитатъ изъ Ветхаго Завета, встрѣчающихся въ данномъ отдѣлѣ книги Дѣяній, что можно признать вторымъ достоинствомъ диссертации. Наконецъ *изложеніе*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неясныхъ и неуклюжихъ переводовъ, особенно изъ Беды, въ общемъ правильное и удобопонятное: особеннаго одобренія заслуживаютъ тѣ схемы общаго движенія мыслей, коими авторъ предвѣряетъ частный экзегезъ обширныхъ рѣчей Ап. Петра.

Но сочиненіе не лишено и весьма важныхъ недостатковъ: а) длинныя и литературно между собою не соединенныя выдержки въ тяжеломъ переводѣ съ греческаго и латинскаго языковъ дѣлаютъ сочиненіе г. Беневоленскаго неудобочтмымъ и даютъ ему характеръ скорѣе экзегетическаго справочника, катены или сборника, а не систематическаго и цѣльно обработаннаго комментарія—въ собственномъ и строгомъ смыслѣ термина; б) научно-критическое изученіе текстуальной стороны даннаго отдѣла книги Дѣяній у автора, можно сказать, почти совсѣмъ отсутствуетъ, хотя у него и были для сего весьма хорошія пособія; — в) многого не достаётъ также въ изученіи филологической, археологической, исторической и даже отчасти богословской (о вознесеніи Господа, о сошествіи Святаго Духа и дарѣ языковъ) стороны экзегеза книги, хотя и въ этомъ отношеніи у автора были достаточныя пособія.

Вообще: собранный авторомъ цѣнный въ научно-экзегетическомъ отношеніи матеріалъ изъ древне-христіанскихъ толкователей требуетъ существеннаго дополненія новѣйшимъ научно-богословскимъ, текстуальнымъ, филологическимъ, археологическимъ и историческимъ экзегезомъ.

Степени кандидата богословія за этотъ обширный и цѣнный трудъ авторъ вполне заслуживаетъ“.

5) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Бурковича Томо*: „Сербскій Хиладарскій монастырь и значеніе его въ духовной жизни сербскаго народа“:

„Въ предисловіи (1—10 стр.) авторъ излагаетъ побужде-

нія, расположившія его заняться своимъ вопросомъ, указываетъ существующую литературу, перечисляетъ источники и опредѣляетъ задачи своей работы. Въ введеніи, долженствующемъ по мысли автора ознакомить читателей съ „ситуаціей страны, съ религіозной и культурно - исторической жизнью сербскаго народа“ ко времени основанія Хиландарскаго монастыря, онъ даетъ обзоръ дѣятельности и заслугъ Стефана Немани, именемъ котораго собственно и начинается исторія сербскаго государства (11—37 стр.). Самое сочиненіе состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, распадающихся въ свою очередь на болѣе мелкія части. Въ первомъ отдѣлѣ идетъ рѣчь объ основаніи Хиландарскаго монастыря и описывается дѣятельность св. Саввы въ качествѣ хиландарца и, затѣмъ, перваго архіепископа Сербіи (37 — 82 стр.). Второй отдѣлъ сообщаетъ свѣдѣнія о преемникахъ Саввы сначала на архіепископской, а потомъ патриаршей кафедрѣ Сербіи, останавливаясь преимущественно, а за эпоху патриаршества исключительно на тѣхъ изъ нихъ, которые вышли изъ Хиландарскаго монастыря или были его постриженниками и воспитанниками (82—157 стр.). Въ третьемъ отдѣлѣ опредѣляются заслуги Хиландаря въ древне-сербской письменности и духовномъ просвѣщеніи (157 — 215 стр.). Сочиненіе заканчивается общимъ заключеніемъ о значеніи Хиландарскаго монастыря въ исторіи Сербіи (215—222 стр.) и приложеніемъ, въ которомъ перечисляются хрисовулы, дарованные Хиландарю сербскими кротями, деспотами и деспотицами, византийскими императорами, молдаво-валахскими государями и русскими царями (223—253 стр.).

Главное затрудненіе, съ которымъ долженъ былъ бороться авторъ, состояло въ недостаткѣ матеріала, отмѣчаемомъ имъ почти въ каждомъ отдѣлѣ своего сочиненія (см. напр. 80. 82. 83. 92. 105. 140 и др. стр.). Что касается до собственныхъ стараній автора обогатить себя необходимыми свѣдѣніями, то въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано все необходимое. Онъ лично проштудировалъ источники церковной исторіи Сербіи и хорошо знакомъ съ существующей сербской и иностранной литературой по своему вопросу. Причина недостатка матеріала лежитъ не въ авторѣ, а въ характерѣ самыхъ источниковъ, отличающихся общностью и риторичностью содержанія и отсутствіемъ фактическихъ данныхъ.

Какъ естественное слѣдствіе скудости матеріала, у автора наблюдаются попытки пополнить свое сочиненіе привлеченіемъ постороннихъ вопросовъ, не относящихся прямо къ его темѣ, что, впрочемъ сознаетъ и самъ онъ на стр. напр. 30 и 79. Слабѣ другихъ отдѣловъ написано введеніе къ сочиненію: предназначенное къ тому, чтобы обрисовать церковное и культурно-государственное состояніе Сербіи ко времени основанія Хиландарскаго монастыря, оно на дѣлѣ даетъ только біографію Стефана Нѣмани. Замѣчается по мѣстамъ также недостатокъ критическаго элемента; въ одномъ случаѣ авторъ утверждаетъ въ текстѣ то, что отвергаетъ въ примѣчаніи (стр. 33 ср. прим. 25 и 28; см. также стр. 118).

Вообще же сочиненіе производитъ впечатлѣніе добросовѣстной работы. Авторъ пишетъ съ увлеченіемъ своимъ предметомъ и съ патріотическимъ одушевленіемъ, сказывающемся у него иногда въ излишне панегирическихъ отзывахъ о дѣятеляхъ сербской исторіи (см. стр. 133). Рѣчь автора правильная и только въ немногихъ случаяхъ мы замѣтили, что жгѣтый стиль его источниковъ не остался безъ вліянія на собственный его языкъ, отразившись въ общности предлагаемыхъ имъ характеристикъ.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

6). Исправляющаго должность, доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Бурцева Александра*: „Субстанціальность Божества“:

„Небольшое по объему сочиненіе г. Бурцева представляетъ собою серьезно задуманный трактатъ по одному изъ важнѣйшихъ богословско-философскихъ вопросовъ. Свою задачу авторъ полагаетъ въ томъ, чтобы „избѣгая крайностей разныхъ философскихъ системъ, дать по возможности самостоятельное рѣшеніе вопроса о томъ, какъ должны мы мыслить Бога съ философской точки зрѣнія“ (стр. 12). Задачу эту онъ разрѣшаетъ въ трехъ главахъ своего сочиненія. Первая изъ нихъ озаглавляется: „Субстанции матеріальныхъ и духовныхъ явленій“ (стр. 16—88). Здѣсь авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) „Мы знаемъ только одни явленія, но не знаемъ, что въ нихъ принадлежитъ вещамъ въ себѣ, и что приходится на долю нашей познава-

тельной дѣятельности; поэтому о субстанціи вещей мы можемъ дѣлать одни лишь догадки и строить гипотезы“.— 2) „Субстанціи вещей не отдѣлимы отъ послѣднихъ и отъ своихъ акциденцій: вслѣдствіе этого чистая субстанція — абстракція, дѣлаемая въ цѣляхъ перевода реальныхъ отношеній въ разумную систему понятій“.— 3) „Если субстанцію матеріальныхъ явленій признать матерію, то единственно возможнымъ философскимъ опредѣленіемъ ея можетъ быть опредѣленіе въ смыслѣ лишеннаго всѣхъ чувственныхъ свойствъ и качествъ, отвлеченнаго начала всякаго постоянства и инертности“.— 4) „Но и въ такомъ своемъ видѣ матеріалистическая гипотеза несостоятельна, потому что самое существованіе чего бы то ни было уже предполагаетъ силу: матерія силъ“.— 5) „Явленія духовныя имѣютъ своими субстанціями тоже силы, но эти силы по своимъ проявленіямъ настолько отличны отъ матеріальныхъ, что составляютъ по отношенію къ послѣднимъ особый родъ“.— 6) „Міръ представляетъ изъ себя совокупность безчисленнаго множества разныхъ элементарныхъ силъ, находящихся между собою въ постоянномъ и непрерывномъ взаимодѣйствіи“ (стр. 83—86). Вторая глава раскрываетъ „необходимость предположенія безконечной субстанціи, какъ единаго начала, управляющаго міромъ конечныхъ субстанцій“ (стр. 89—132). Эта глава даетъ слѣдующіе результаты: 1) „Если бы міръ являлся только совокупностью разныхъ силъ и не представлялъ изъ себя внутренняго единства, то онъ былъ бы непознаваемъ для насъ“. — 2) „Наше познаніе стремится къ тому, чтобы найти внутреннее объединяющее начало въ мірѣ, дающее въ нашихъ глазахъ смыслъ всѣмъ его частямъ“.— 3) „Такимъ началомъ не можетъ быть идея, потому что она есть только наша мысль и потому можетъ быть названа сущностью міра только съ идеальной точки зрѣнія цѣлей и средствъ для ихъ достиженія“.— 4) „Единство міра является слѣдствіемъ законмѣрности въ дѣйствіяхъ всѣхъ элементарныхъ силъ“.— 5) „Законмѣрность не можетъ быть свойствомъ самихъ силъ, а обуславливается дѣйствіемъ особыхъ дѣятельныхъ субстанцій — силъ, называемыхъ нами законами“.— 6) „Законы по своимъ дѣйствіямъ имманентны силамъ, но тѣмъ не менѣе представляютъ изъ себя особыя силы, отличныя отъ первыхъ“.— 7) „Всякій законъ не только

властвуетъ надъ силами, но, какъ сила, самъ подчиняется высшимъ законамъ“. — 8) „Въ основѣ единства всего міра нужно признать одинъ высшій, абсолютный законъ, направляющій къ высшему единству всѣ силы, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, и подерживающій ихъ существованіе“ (стр. 129—131). Послѣдняя глава—„Богъ, какъ единая безконечная субстанція, и Его отношеніе къ міру конечныхъ субстанцій“, — резюмируется авторомъ въ слѣдующихъ девяти тезисахъ: 1) „Богъ есть безконечная самобытная субстанція—сила, обладающая всею полнотою бытія“.—2) „Міръ конечныхъ субстанцій есть раскрытіе во внѣ Божественныхъ совершенствъ“.—3) „Такъ какъ необходимымъ моментомъ всякаго развитія является твореніе, то и міръ произошелъ отъ Бога путемъ творенія“. — 4) „Богъ отличенъ отъ міра, трансцендентенъ ему, но въ тоже время постоянно дѣйствуетъ въ мірѣ“. — 5) „Конечныя субстанціи не могутъ ограничивать существованіе субстанціи безконечной, потому что не обладаютъ никакими новыми совершенствами сравнительно съ нею“.—6) „Поскольку міръ представляетъ изъ себя разнообразіе, онъ есть проявленіе конечныхъ субстанцій, а поскольку міръ единъ субстанціей его служить Богъ“.—7) „Абсолютная субстанція должна быть самосознательною личностью и обладать всѣми тѣми духовными способностями, которыя наблюдаются у человѣка, только все это—въ безконечной степени“.—8) „Возраженія пантеистовъ противъ личности Божества несостоятельны; никакое опредѣленіе Божества не можетъ ограничивать Его въ совершенствахъ, но только отрицаетъ въ Немъ существованіе несовершенствъ. Съ другой стороны, Богъ можетъ отличать себя отъ своихъ состояній и отъ небытія, сознавать себя въ этомъ отличіи и быть личностью“. — 9) „Такъ какъ Богъ есть высшій абсолютный законъ для всего существующаго, то мы можемъ разсуждать объ Его свойствахъ на основаніи наблюденія высшихъ законовъ, управляющихъ развитіемъ нашей внутренней жизни, а также и жизни внѣшней природы“ (189—192).

Уже изъ представленнаго обзора содержанія сочиненія видно, что г. Бурцевъ захватилъ въ кругъ своихъ размышленій широкую сферу основныхъ вопросовъ гносеологій, метафизики и рациональнаго богословія. И надо сказать, что

въ этой обширной сферѣ его мысль не растерялась. Въ его разсужденіяхъ трудно указать детали, которыхъ нельзя бы было оправдать прямыми интересами его темы; — въ нихъ ничего нѣтъ лишняго, имѣющаго лишь отдаленное отношеніе къ вопросу о субстанціальности Божества. Съ другой стороны, нѣтъ у него и замѣтныхъ пробѣловъ въ логическомъ развитіи его взглядовъ. Вообще формально-логическая сторона работы производитъ самое выгодное впечатлѣніе. Авторъ, несомнѣнно, обладаетъ недюжиннымъ философскимъ умомъ. Къ похвальнымъ особенностямъ дарованія г. Бурцева надо причислить и относительную самостоятельность его сужденій: въ его сочиненіи сравнительно рѣдко можно встрѣтить замѣтную литературную зависимость отъ другихъ трудовъ по тому же вопросу. Конечно, идейная зависимость есть, — и ее не трудно прослѣдить по самымъ тезисамъ сочиненія, — но это есть уже явленіе вообще неизбежное, а въ студенческой работѣ и тѣмъ болѣе; въ сочиненіи же г. Бурцева пріятно наблюдать, что его взгляды не навѣяны непосредственно тою не обширною философскою литературою, съ какою онъ имѣлъ дѣло въ годъ написанія своей кандидатской работы, а являются плодомъ его общаго философскаго развитія, — результатомъ чтенія и размышленій всѣхъ предшествующихъ лѣтъ. Его сочиненіе съ полнымъ правомъ можетъ считаться выраженіемъ того міровоззрѣнія, какое онъ выработалъ въ теченіе академическаго курса, и показателемъ того уровня общаго развитія, какое приобрѣлъ онъ въ школѣ. И въ обоихъ этихъ отношеніяхъ онъ не скомпрометировалъ высокаго достоинства своей *almae matris*. Если, наконецъ, прибавить сюда способность писать простымъ, яснымъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ, то, — мнѣ думается, — будетъ совершенно очевидно право г. Бурцева на полученіе искомой имъ степени кандидата богословія.

Но, при всѣхъ достоинствахъ ума и развитія г. Бурцева, его сочиненіе, какъ именно ученая работа, далеко не безупречно. Въ немъ мало видно труда и нерѣдко отсутствуетъ научное обоснованіе. Положительное раскрытіе какого либо философскаго взгляда, по условіямъ современной умственной жизни, непременно должно сопровождаться критическимъ разборомъ сопряженныхъ ученій. У г. Бурцева

эта сторона дѣла значительно отступаетъ на второй планъ. Онъ знаетъ и самостоятельно цитируетъ сочиненія Спинозы, Канта, Гегеля, Лотце, Шопенгауэра, Лейбница, Ульрици, Кудрявцева и др. Но эти ссылки и критическія замѣтки дѣлаются лишь попутно, въ связи съ положительнымъ раскрытіемъ собственныхъ взглядовъ; нарочитыхъ же историко-критическихъ экскурсій авторъ почти не дѣлаетъ. Кромѣ того, самый выборъ цитируемыхъ авторовъ и ихъ сочиненій довольно случаенъ. Много проигрываетъ работа и отъ того, что авторъ пользовался лишь тѣми сочиненіями философовъ, какія есть на русскомъ языкѣ. Нерѣдко и собственная положительная аргументація является довольно бѣдной и конспективной почти до голословности. Вообще, о своемъ сочиненіи г. Бурцевъ не могъ бы сказать: „quod potui, feci“. Онъ сдѣлалъ значительно менѣе, чѣмъ могъ бы при своихъ дарованіяхъ и при большемъ трудолюбіи“.

7) Исправляющаго должность доцента Павла Тихомирова о сочиненіи студента *Бѣлоусова Стефана*: „Ученіе Ланге о религіи и нравственности“:

„Сочиненіе г. Бѣлоусова состоитъ изъ обстоятельнаго введенія, четырехъ главъ изслѣдованія и заключенія. Во введеніи (стр. 3—104) авторъ изслѣдуетъ историческое положеніе Ланге. Давши обзоръ развитія теоретической философіи въ Германіи отъ Канта по 60-ые годы прошлаго столѣтія (стр. 3 — 33), охарактеризовавъ отношеніе къ христіанству Гегеля и лѣвой гегельянской школы, положеніе научнаго социализма относительно этики и значеніе Шопенгауэровскаго пессимизма (стр. 33—68) и сдѣлавъ въ краткомъ біографическомъ очеркѣ характеристику личности Ланге, его умственныхъ и нравственныхъ особенностей и стремленій (стр. 68—104), онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой общій взглядъ на генезисъ философскихъ воззрѣній Ланге: „Крайности идеализма, вызвавшія собою крайность теоретическаго матеріализма, и господство въ 40-хъ и 50-хъ годахъ экономическаго матеріализма въ связи съ оскудѣніемъ духовныхъ интересовъ, съ одной стороны, и пессимизмомъ, съ другой,—вотъ причины, опредѣлившія собою по преимуществу отрицательный характеръ воззрѣній нашего философа; матерія и духъ, субъектъ и вещь въ себѣ, дѣйствительность и идеаль—вотъ тѣ основные элементы, тща-

тельной критикой которых онъ намѣревался ниспровергнуть всякій догматизмъ, примирить всѣ противоположности и расчистить мѣсто для своего субъективистическаго идеализма; беспощадная критика теоретическаго эгоизма—вотъ ближайшая задача его философіи; непосредственное чувство и историческій опытъ—вотъ почва, на которой онъ хочетъ обосновать свой взглядъ на религію и мораль, какъ на необходимый *prins* правильного рѣшенія и осуществленія соціального вопроса“ (стр. 102—103). Въ связи съ этимъ стоитъ и планъ собственнаго изслѣдованія г. Бѣлоусова. Глава I-ая (стр. 105—167) содержитъ „Изложеніе и критическій разборъ гносеологическихъ предпосылокъ философіи Ланге“. Авторъ раскрываетъ здѣсь „шаткость и глубокую противорѣчивость того фундамента, на которомъ Ланге предлагаетъ строить роскошные и завѣдомо призрачные замки метафизическихъ вымысловъ“ (стр. 127 и сл.). Въ результатъ этой критики авторъ находитъ возможнымъ, какъ свое глубокое убѣжденіе, выставить слѣдующіе тезисы: 1) „Согласно исходному пункту критицизма, истина не въ опытѣ и не въ идеѣ, а въ идеѣ, проверенной опытомъ, и въ опытѣ, освѣщенномъ идеей“.—2) „Метафизика имѣетъ столько же права на научность, какъ и опытная наука. Разница между ними чистоформальная: метафизика начинается съ идей и идетъ къ опыту; опытная наука—наоборотъ. Отсюда различіе въ степени общности началъ, подлежащихъ ближайшему изученію той и другой“.—3) „Знаніе, приобретаемое метафизикой, на столько же реально, т. е. отвѣчаетъ дѣйствительности, на сколько и знаніе науки. То и другое не адекватно, но относительно, т. е. говоритъ намъ о трансцендентальномъ только въ символахъ и образахъ, переведенныхъ на языкъ понятій“.—4) „Какъ познаніе эмпирической реальности внѣшняго міра, такъ и дѣятельность въ немъ возможны только подъ условіемъ вѣры въ трансцендентальную реальность субъекта и объекта“.—5) „Всѣ явленія легко можно свести къ ощущенію и объяснить изъ него, даже движеніе атомовъ, чего абсолютно нельзя сдѣлать, исходя изъ понятія матеріи. Поэтому субстанціальній монизмъ наиболѣе достовѣренъ, какъ космологическая гипотеза, благодаря которой только и возможно объяснить взаимодѣйствіе между субъектомъ и объектомъ, вполне доступное для однородныхъ субстанцій“

(стр. 159—160). Глава II-ая (стр. 169—230) содержитъ изложене и характеристику этико-соціальныхъ воззрѣній Ланге и ихъ критическую оцѣнку. Содержаніе этой главы онъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы должны назвать этику Ланге пестрой смѣсью трехъ точекъ зрѣнія (?): крайняго субъективизма, эстетическаго формализма и этического социализма, опирающагося на двухъ урѣзанныхъ крайностяхяхъ, — дарвинизмъ (эмпирической пессимизмъ) и эволюціонизмъ (теорія нравственнаго прогресса). Всѣ эти точки находятъ для себя опору въ различныхъ сторонахъ гносеологіи Ланге; для каждой изъ нихъ была подготовлена почва въ душѣ Ланге еще въ студенческіе годы, и каждая изъ нихъ такъ же мало уживается на ряду съ другими, какъ трансцендентальный идеализмъ и эмпирической реализмъ, или объективный идеализмъ и скептицизмъ по отношенію къ трансцендентному. Однако при всемъ разнорѣчии между собою, всѣ онѣ сходятся въ одномъ, въ отрицаніи нравственности, какъ явленія исключительнаго, ни съ чѣмъ несравнимаго и абсолютнаго по своему характеру и задачамъ, т. е. другими словами, всѣ онѣ безусловно противорѣчатъ взглядамъ самого Ланге на чувство долга и на природу нравственныхъ сужденій, опираясь на которыя, онъ долженъ былъ допустить реальность свободы и вѣру въ реальность добра внѣ насъ и въ его сверхъестественный источникъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ возможно вдохнуть конкретное содержаніе въ форму, въ ничего не говорящій принципъ погруженія въ объектъ, и отыскать критерій для отличія добраго и злаго“ (стр. 228—230). Въ III-ей главѣ разсматривается ученіе Ланге о религіи, какъ творчествѣ, и указываются коренные недостатки такого пониманія религіозной вѣры (стр. 231—270). Здѣсь авторъ настаиваетъ на необходимости интеллектуальнаго элемента въ религіозной вѣрѣ. Въ послѣдней главѣ излагается и оцѣнивается взглядъ Ланге на взаимоотношеніе между религіей и нравственностью и на будущее религіи (стр. 279—326). Крайности воззрѣній Ланге даютъ автору поводъ раскрыть неестественность разрыва между религіей и моралью въ самомъ источникѣ ихъ происхожденія. По его мнѣнію, вѣра въ реальность Божества и нравственнаго міропорядка есть главный корень религіи и морали, а единственнымъ фундаментомъ для внут-

ренняго и соціального обновленія человѣчества является историческое (а не выдуманное Ланге идеальное) христіанство.

Внимательное изученіе и серьезная критика воззрѣній Ланге требуютъ не малаго философскаго дарованія и серьезной общеобразовательной подготовки. А умѣнье отстаивать противъ него положительное христіанство какъ въ теоретическомъ, такъ и въ нравственномъ содержаніи послѣдняго образуетъ прямую заслугу предъ богословской наукой. Сочиненіе г. Бѣлоусова, взявшее на себя указанныя задачи, съ полнымъ правомъ можетъ претендовать на честь ихъ удовлетворительнаго разрѣшенія. И историческое положеніе Ланге очерчено вѣрно, и анализъ его воззрѣній выполненъ хорошо. Критика же не ограничивается указаніемъ только ошибокъ и крайностей въ воззрѣніяхъ изучаемаго философа, но и даетъ, въ противовѣсъ имъ, раскрытіе и обоснованіе положительныхъ убѣжденій автора. Это служитъ прямымъ свидѣтельствомъ плодотворности его занятій избраннымъ предметомъ. Проявленныя имъ при этомъ твердость и основательность богословскаго и философскаго сужденія даютъ ему полное право на полученіе искомой степени кандидата богословія.

Что касается недостатковъ сочиненія, то они отчасти известны и указываются самимъ авторомъ. Онъ самъ признаетъ нѣкоторую незаконченность заключительныхъ сужденій объ изученной доктринѣ и нѣсколько меньшую обработанность послѣднихъ главъ сочиненія сравнительно съ первыми. Самъ же онъ признаетъ и неполноту въ изученіи довольно обширной, впрочемъ, литературы предмета, объясняя это своимъ „далекимъ отъ совершенства познаніемъ въ нѣмецкомъ языкѣ“ (стр. 327). Кромѣ этого можно указать на нѣкоторый недостатокъ документальности въ двухъ первыхъ параграфахъ первой главы, составленныхъ по существующимъ на русскомъ языкѣ курсамъ и пособіямъ по исторіи философіи. Есть неточности въ терминологіи; встрѣчаются случаи ненужнаго и довольно неудачнаго приведенія подлинныхъ нѣмецкихъ текстовъ и т. п. Все эти недостатки я отношу къ числу несущественныхъ, не мѣшающихъ признанію сочиненія г. Бѣлоусова весьма хорошею кандидатскою работою“.

8) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Валюженича Владимира*: „Догматическое ученіе въ древней церкви объ Евхаристіи“:

„Давши во введеніи краткій очеркъ неправильныхъ ученій объ евхаристіи въ первые вѣка христіанства на Востокѣ, а въ средніе вѣка и въ новое время на Западѣ, и сказавши, что для подтвержденія своихъ ложныхъ взглядовъ на евхаристію западные богословы перетолковываютъ древне-церковныя преданія, г. Валюженичъ приходитъ къ признанію потребности „уяснить себѣ, какъ же вѣршла въ евхаристію та первенствующая Церковь Христова, которая жила подъ водительствомъ непосредственныхъ преемниковъ Апостоловъ, во всемъ руководствуясь ученіемъ и преданіемъ учениковъ Спасителя. Удовлетворить, продолжаетъ онъ, этому желанію и составляетъ задачу нашего усильнаго труда. Путемъ анализа памятниковъ древне-христіанской письменности, изложенія взглядовъ отцевъ и учителей Церкви первыхъ четырехъ вѣковъ, безъ сомнѣнія, являвшихся выразителями вѣрованій тѣхъ церквей, гдѣ они жили и святительствоваали, мы постараемся собрать все то, что можетъ служить къ освѣщенію предмета нашего изслѣдованія. Въ заключеніи же мы представимъ сводъ всего добытаго нами матеріала въ формѣ догматической системы о таинствѣ евхаристіи, какъ она предносилась сознанію вѣрующихъ на рубежѣ IV и V вѣковъ“.

Осуществляя эту задачу, онъ излагаетъ и изъясняетъ ученіе объ евхаристіи, заключающееся въ „Ученіи двѣнадцати Апостоловъ“ и въ твореніяхъ Игнатія Богоносца, Іустина Мученика, Иринея Ліонскаго, Климента Александрійскаго, Тертулліана, Кипріана, Кирилла Іерусалимскаго и Іоанна Златоуста.

На послѣднихъ одиннадцати страницахъ онъ утверждаетъ, что Восточная Церковь усвоила и доселѣ неизмѣнно сохранила всѣ основныя положенія древне-церковнаго ученія объ евхаристіи, а именно слѣдующія: таинство евхаристіи состоитъ въ томъ, что Христосъ не мистически или символически присутствуетъ въ таинствѣ, а хлѣбъ и вино дѣйствительно бывають тѣломъ и кровію Христа; для совершенія таинства должны быть употребляемы квасный хлѣбъ и вино, растворенное водою; должно причащать всѣхъ вѣрую-

щихъ, не исключая и младенцевъ, и притомъ подъ обоими видами; евхаристія имѣетъ значеніе жертвы благодарственной и умилостивительной. Къ сожалѣнію эти положенія высказаны слишкомъ догматично. Не мѣшало бы, приводя каждое изъ этихъ положеній, упомянуть, у кого изъ отцевъ и учителей первыхъ четырехъ вѣковъ оно высказано и съ какою степенью ясности и опредѣленности. Тогда заключеніе имѣло бы характеръ вывода и общаго свода всѣхъ существенныхъ положеній, добытыхъ изслѣдованіемъ, а теперь оно только пришито къ нему.

Приводимыя изъ памятниковъ отеческой литературы изреченія объ евхаристіи снабжены надлежащими, большею частію удачными разъясненіями, сдѣланными отчасти при помощи пособій.

Изложеніе мыслей сжатое, послѣдовательное и ясное, языкъ хорошій.

Ошибки въ сочиненіи все таки есть. Такъ на 145 стр. цитата не вѣрна: въ Церковной Исторіи Евсевія о Пантенѣ упомянуто не въ 11-й, а въ 13-й гл. шестой книги. На 4-й стр. сказано: „Христосъ, всего за нѣсколько дней до своихъ крестныхъ страданій, устанавливаетъ таинство евхаристіи“. Развѣ изъ Евангелій и изъ перваго посланія къ Коринтянамъ (XI, 23—34) не извѣстно, что Иисусъ Христосъ совершилъ тайную вечерю и установилъ таинство евхаристіи наканунѣ Своей смерти, въ ночь съ четверга на пятницу?

Сочиненіе даетъ право автору. его на полученіе степени кандидата богословія“.

9) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Ключевского о сочиненіи студента *Войцѣховича Митрофана*: „Устройство новаго воспитанія въ царствованіе Императрицы Екатерины II съ нравственно-богословской точки зрѣнія“:

„Авторъ далъ стройное развитіе своей темѣ. Опредѣливъ въ общихъ чертахъ значеніе Императрицы Екатерины II, какъ проводницы просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка, и указавъ происхожденіе ея мысли о необходимости устроить „новое воспитаніе“ въ Россіи (глава I), онъ изложилъ педагогическіе взгляды Монтеня, Локка и Руссо, которыми руководились въ этомъ дѣлѣ Екатерина и Бецкій (глава II). выяснилъ, какъ они поняли эти взгляды западныхъ педагоговъ (гл. III), затѣмъ описалъ самое устройство новаго вос-

питанія по уставамъ и объяснительнымъ докладамъ Бецаго (гл. IV), далѣе разсмотрѣлъ сущность его педагогическихъ взглядовъ и характеръ воспитанія въ устроенныхъ имъ училищахъ съ педагогической, психологической и нравственно-религіозной точки зрѣнія (гл. V и VI), показалъ, какъ дѣйствительно велось и къ какимъ приводило результатамъ воспитательное дѣло въ этихъ училищахъ (гл. VII), и наконецъ попытался дать историческую оцѣнку педагогическому опыту Бецаго, показавъ значеніе созданной имъ школы „въ исторіи культурнаго развитія русскаго общества“ (гл. VIII). Авторъ основательно изучилъ литературные памятники педагогики, относящіеся къ предмету его диссертациі, хорошо разобралъ особенности и недостатки воспитательной системы Бецаго, воспользовавшись для ея характеристики показаніями современниковъ, вообще обнаружилъ умѣнье обращаться съ историческими источниками и явленіями. Сочиненіе написано яснымъ, живымъ и отчетливымъ языкомъ и можетъ быть признано весьма удовлетворительнымъ“.

10) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Воробьева Владимира*: „Догматическія воззрѣнія молоканъ, штундистовъ и пашковцевъ и опроверженіе важнѣйшихъ пунктовъ ихъ вѣроученія“:

„Г. Воробьевъ представилъ на указанную тему сочиненіе, состоящее изъ предисловія и двухъ частей, изъ которыхъ каждая раздѣлена на нѣсколько главъ. Въ предисловіи (стр. 1—24) авторъ, указавши на „жгучій“ современный интересъ изслѣдованія сектантскихъ раціоналистическихъ ученій, намѣчаетъ рамки своего изслѣдованія и даетъ длинный перечень своихъ источниковъ и пособій. Часть первая содержитъ догматическое ученіе сектантовъ, изложенное на основаніи обильнаго, изученнаго авторомъ, рукописнаго и печатнаго матеріала. Въ отдѣльныхъ главахъ представлено вѣроученіе укленискаго (стр. 25 — 117) и донскаго толка (стр. 118—140), южно-русскихъ штундистовъ (стр. 141—187), штундо-балтистовъ (стр. 188—240), младо-штундистовъ (стр. 241—262) и пашковцевъ (стр. 263—309), съ краткими предварительными историческими замѣчаніями относительно каждой секты и подробнымъ сводомъ библейскихъ текстовъ и цитатъ, которыми сами сектанты думаютъ обосновать свои лжеученія. Вторая часть посвящена опроверженію „главнѣй-

шихъ пунктовъ догматическаго ученія сектантовъ“. Здѣсь авторъ совмѣстно разсматриваетъ съ апологетической и полемической точки зрѣнія заблужденія всѣхъ вышеупомянутыхъ рационалистическихъ сектъ въ ихъ ученіи о Богѣ (стр. 311 — 324), о священномъ писаніи и священномъ преданіи (стр. 324—361), о таинствахъ вообще (стр. 362 — 365) и въ частности о таинствѣ священства (стр. 366—401), крещеніи (стр. 401—434) и причащеніи (стр. 434—475); каждому изъ этихъ предметовъ отдана особая глава. На основаніи этого разбора авторъ приходитъ въ заключеніи (стр. 476—478) къ выводу, что „ни молоканство, ни штундизмъ, ни пашковщина не могутъ быть названы даже заблуждающеюся церковію“.

Уже изъ представленнаго краткаго указателя содержанія разсматриваемаго сочиненія видно, что послѣднее не исчерпываетъ своего предмета вполне. При разборѣ сектантскихъ лжеученій почти совершенно обойденъ коренной и существеннѣйшій вопросъ сектантской догматики—объ искупленіи человѣка и объ условіяхъ оправданія его предъ Богомъ; во всякомъ случаѣ, относительно его авторъ едва-ли былъ въ правѣ ограничиться тѣми замѣчаніями, какія разсѣяны въ его сочиненіи по разнымъ мѣстамъ. Болѣе обстоятельное разсмотрѣніе желательно было бы и въ отношеніи къ нѣкоторымъ другимъ важнымъ пунктамъ сектантскаго вѣроученія (напр. о крещеніи младенцевъ), требующимъ серьезнаго критико-апологетическаго изслѣдованія, а не простого подбора ходячихъ полемическихъ аргументовъ. Указанные пробѣлы можно, однако, не ставить автору въ большую вину, принимая во вниманіе, что представленная имъ работа и въ настоящемъ своемъ составѣ потребовала не малаго труда. Трудъ этотъ примѣненъ г. Воробьевымъ вполне цѣлесообразно и далъ въ результатъ хорошее кандидатское сочиненіе, убѣдительно говорящее о зрѣлости богословской мысли автора, его научномъ усердіи, способности разбираться въ обширнѣйшемъ матеріалѣ и умѣло владѣть перомъ“.

11) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Гапонова Сергѣя*: „Проповѣди Массильона“:
„Сочиненіе г. Гапонова состоитъ изъ слѣдующихъ главъ. Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о знаменитомъ французскомъ проповѣдникѣ (1—9), во

второй — краткую историю издания проповедей Массильона (9—15), в третьей и четвертой говорит о методѣ, построении (16—26) и тонѣ его проповедей (27—45), в пятой излагаетъ содержаніе проповедей, отмѣчая въ нихъ по преимуществу элементы—догматическія, нравоучительныя и общественныя (46 — 154), в шестой говоритъ о стилѣ проповедей Массильона (154—171). Благодаря основательному знанію французскаго языка, свѣдѣнія свои авторъ почерпалъ преимущественно изъ французскихъ источниковъ. Лучшие труды французскихъ писателей о Массильонѣ имѣ проштудированы весьма тщательно. Также тщательно изучены имъ и проповѣди Массильона въ подлинникѣ. Приводя различные отрывки его проповедей, онъ не пользуется русскимъ переводомъ ихъ, а большею частію переводитъ самъ. Кромѣ французскихъ источниковъ авторъ пользовался русскими и отчасти нѣмецкими. Характеристика Массильона, какъ проповѣдника, отличается яркостью и колоритностью. Картина проповѣднической дѣятельности написана умѣлою рукой. Произведеніе автора живо воспроизводитъ эпоху, въ какую жилъ Массильонъ. Предъ нами проходитъ жизнь людей всѣхъ классовъ общества того времени, ихъ достатки и недостатки, увлеченія и паденія, невѣріе и живые запросы, различныя общественныя бѣдствія, предъ нами ясно рисуется вѣкъ деспотизма и крайняго порабощенія народа. Проповѣдь Массильона имѣла неотразимое вліяніе на современниковъ. Его приглашали проповѣдывать въ различные приходы. „Весь Парижъ стекался къ его кафедрѣ и Бурдалу имѣлъ полное право сказать по поводу успѣха Массильона: тому должно расти, мнѣ же малитися“ (26). Нѣкоторыя его проповѣди вызывали всеобщія рыданія (35). Людовикъ XIV такъ характеризовалъ Массильона: „отецъ мой, когда я слушалъ другихъ проповѣдниковъ, я былъ ими доволенъ; что же касается васъ, то когда я васъ слушалъ, я былъ недоволенъ самимъ собою“ (7). Не мало похвалъ мы встрѣчаемъ и у Фенелона (86). Восторженные отзывы о Массильонѣ мы находимъ даже у такихъ вольнодумцевъ, какъ Вольтеръ. Вольтеръ писалъ о Массильонѣ: „рѣчи Массильона — самыя пріятныя произведенія, какія мы имѣемъ на французскомъ языкѣ“ (168): „онъ зналъ свѣтъ лучше всѣхъ проповѣдниковъ“ (85). Сочиненіе автора даетъ воз-

возможность понять и причину успеха, какой выпалъ на долю Массильона.

Въ качествѣ самыхъ незначительныхъ недостатковъ сочиненія можно указать слѣдующіе. Въ сочиненіи г. Гапонова, написанномъ въ общемъ весьма литературно, встрѣчаются вульгаризмы, какъ-то: „встряска“ (85), „выскачка“ (92), „пошлый“ (94 и др.), „ходульность“ (154) и др., — иностранныя слова (72. 75. 85. 86. 101. 110. 156 и др.). Есть пропуски. Такъ, авторъ не говоритъ о вліяніи Массильона на проповѣдниковъ послѣдующаго времени и на проповѣдниковъ русскихъ. Самый же главный недостатокъ сочиненія автора, — это его краткость. Трудъ г. Гапонова можно назвать скорѣе конспектомъ, чѣмъ сочиненіемъ. Но это, впрочемъ, произошло по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ. Сочиненіе несомнѣнно написано дѣльно, по мѣстамъ даже талантливо и обличаетъ въ авторѣ умнаго и серьезнаго человѣка, у котораго перо не вываливается изъ рукъ. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

12) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента священника *Горбаневскаго Филиппа*: „Образовательныя средства въ расколѣ“:

„Сочиненіе о. Горбаневскаго не представляетъ собою законченной учено-литературной работы: это скорѣе собраніе подготовительныхъ замѣтокъ, набросковъ и извлеченій, сдѣланныхъ при чтеніи обширной литературы источниковъ и пособій для изслѣдованія на указанную тему, чѣмъ самое изслѣдованіе. Случайная полнота или скудость подысканнаго матеріала оказала замѣтное вліяніе на составъ разсматриваемаго произведенія, представляющаго рядъ разрозненныхъ очерковъ, неравномѣрныхъ по объему и не одинаковыхъ по своему научному и литературному достоинству. Большая часть ихъ представляетъ простую передачу и иногда довольно близкое воспроизведеніе того, что удалось найти автору у своихъ предшественниковъ по обработкѣ частныхъ вопросовъ его темы. Наиболѣе удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать одинъ изъ подготовительныхъ очерковъ, посвященный характеристикѣ древне-русскаго образованія въ XVII вѣкѣ (стр. 109 — 214): онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ не лишенъ способности трудолюбиво обслѣдовать взятыи вопросъ и умѣло разо-

браться въ разнообразіи фактовъ и мнѣній. Принимая во вниманіе это послѣднее обстоятельство и имѣя въ виду широту данной темы, разнообразныя трудности, неизбѣжныя при ея разработкѣ, и обширность представленнаго сочиненія (688 стр.), считаю возможнымъ признать автора заслуживающимъ искомой степени“.

13) Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Григорьева Владимира*: „Изданный патр. Игнатіемъ Ефремомъ II Рамани Testamentum Domini nostri Iesu Christi, какъ литургическій источникъ“:

„Обрисовавъ со стороны содержанія и характера изданный патр. Игнатіемъ Ефремомъ II Рамани Testamentum, авторъ задается въ своемъ введеніи (стр. 1 — 222) тремя вопросами: 1) „Какую фазу въ исторіи развитія богослуженія занимаетъ Testamentum?“ 2) „Какой церкви онъ принадлежитъ?“ 3) „Съ какими памятниками онъ стоитъ въ связи по своему направленію и какое хронологическое отношеніе существуетъ между ними?“ Утверждая вслѣдъ за издателемъ, „что эпоха, въ границахъ которой слѣдуетъ искать хронологическую дату Testament'a, падаетъ на гоненія церкви“, г. Григорьевъ расходится съ нимъ при болѣе точномъ опредѣленіи времени его происхожденія. „И положенная въ основу памятника disciplina arcani, и высоко развитый въ связи съ нею катехуменатъ, и христологическія идеи“, въ немъ отразившіяся, „позволяютъ предполагать, что Testamentum Domini nostri относится къ III вѣку“ (стр. 19, 22, 61). Разбирая далѣе основанія, по которымъ Рамани отнесъ его появленіе ко второму,—нашъ авторъ не находитъ ихъ достаточными, не усматриваетъ вмѣстѣ съ нимъ сходства Testament'a въ описаніи утренняго славословія „съ замѣткой о немъ Плинія Младшаго“, въ изложеніи литургіи—съ извѣстнымъ описаніемъ ея у Іустина Мученика; въ евхаристическихъ молитвахъ и упоминаніи о харизматикахъ—близкаго отношенія къ ученію св. Иринея Лионскаго. Отмѣчаемая Рамани, „идейная зависимость Testament'a отъ святоотеческой литературы“ II стол., какъ и наблюдаемый въ немъ составъ низшаго клира такого рода, что не могутъ быть, по изысканіямъ автора, рѣшающими данными въ вопросѣ и не препятствуютъ относить памятникъ къ III вѣку. Сказавъ въ немногихъ словахъ, что родиной послѣдняго былъ Египетъ,

въ частности Александрія, авторъ отмѣчаетъ тѣ особенности въ Testament'ѣ, по которымъ онъ не можетъ быть признанъ „выраженіемъ вѣры древней церкви“ и обще-литургической практики своего времени. Какъ документъ церковно-историческій, Testamentum сопоставляютъ съ церковными правилами, VIII книгой Апостольскихъ Постановленій и Канонами Ипполита. „Не считая взгляда Рамани на взаимоотношеніе названныхъ памятниковъ безусловно-вѣрнымъ“, Григорьевъ входитъ въ частнѣйшее опредѣленіе отношеній Testament'a къ однороднымъ съ нимъ памятникамъ Египетско-Александриѣтской церкви (Статуатамъ, изд. Людольфомъ, Церковн. Канонамъ и Канонамъ Ипполита) и Сирійско-Палестинской (Ученію XII Апостоловъ и Постановленіямъ Апостольскимъ) и приходитъ въ концѣ концовъ къ тому заключенію, что въ группѣ первыхъ онъ не былъ, какъ думаетъ Рамани, первоисточникомъ: въ основѣ его, наоборотъ, лежатъ церковные каноны и Статуаты Людольфа, и что названные Сирійско-Палестинскіе памятники развивались на другой почвѣ самостоятельно (стр. 156, 169, 220—221). Болѣе или менѣе подробное воспроизведеніе устройства храма и совершенія хиротоніи, крещенія съ муропомазаніемъ, литургій и бѣглый очеркъ богослужебныхъ правъ и обязанностей іерархіи клира и мірянъ служатъ предметомъ дальнѣйшихъ рѣчей автора (стр. 223—392).

Уже изъ представленнаго обзора содержанія можно видѣть несоразмѣрность обширнѣйшаго введенія съ самымъ изложеніемъ. И по объему и по качеству послѣднее уступаетъ первому. Авторъ не выполнилъ представленной имъ въ началѣ учебнаго года программы и не коснулся нѣкоторыхъ литургическихъ матеріи Testament'a (напр. утренняго и вечерняго богослуженія, праздниковъ, постовъ и друг.), болѣе трудныхъ для разработки и мало обследованныхъ у Рамани. И это онъ сдѣлалъ частію сознательно, частію по недостатку времени. Для сбереженія послѣдняго и въ интересахъ темы ему не слѣдовало по главамъ передавать содержаніе Testament'a (стр. 3—10), заниматься соглашеніемъ имъ самимъ измышленныхъ противорѣчій въ памятникѣ, подробно излагать ученіе св. Принея объ евхаристіи, долго останавливаться на разборѣ доводовъ Рамани и вообще странно трактовать о происхожденіи изучаемаго документа и отношеніи его къ другимъ. Разумнѣе и полезнѣе было бы

для дѣла начать съ вопроса о подлинности текста Testament'a, который авторъ затрогиваетъ лишь мимоходомъ въ текстѣ и подѣ строкой. Тогда нѣкоторыя изъ его разсужденій во введеніи получили бы иной болѣе научный характеръ; теперь же они производятъ впечатлѣніе тенденціозной полемики съ Рамани (стр. 51—58. 64—70), и весь вопросъ о времени появленія памятника и его мѣстѣ въ ряду другихъ нуждается въ новомъ пересмотрѣ. Нуждаются въ провѣркѣ и сужденія автора объ отношеніи литургіи вѣрныхъ къ литургіи оглашенныхъ. Послѣдняя въ изложеніи автора, благодаря цѣлому ряду его предположеній, вышла настолько сложна и искусственна, что онъ самъ подѣ конецъ задается вопросомъ: „При взглядѣ на составъ литургіи оглашенныхъ невольно возникаетъ вопросъ: совершалась ли она въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ мы ее представили?“ Авторъ невѣрно представляетъ связь *disciplinae arcani* съ катехуменатомъ, положеніе молящихся въ храмѣ и пристроекъ послѣдняго. Переводъ Testament'a, данный въ приложеніи во многихъ случаяхъ не точенъ, а въ иныхъ и прямо не вѣренъ (стр. XI. XII. XV. XVI. XVII. XXX. XXXV и др.). Сдѣланный въ началѣ года въ качествѣ черновой работы онъ приложенъ потомъ къ сочиненію; автору по болѣе обстоятельному ознакомленіи съ памятникомъ слѣдовало его съизнова пересмотрѣть и исправить. Но уже этотъ самый переводъ говоритъ о серьезномъ отношеніи Григорьева къ своей задачѣ. Онъ старательно знакомился съ Testament'омъ и памятниками одновременными и однородными съ нимъ по характеру; *prolegomena* и *dissertationes* Рамани онъ близко изучилъ и, чѣмъ можно было, воспользовался въ своемъ сочиненіи. Онъ не рабски впрочемъ слѣдовалъ Рамани, а всегда критически относился къ его положеніямъ и выводамъ, провѣряя по первоисточникамъ. Рѣчь автора обдуманная и литературно изложенная. По какому то недоразумѣнію только онъ вездѣ называетъ харизматиковъ хризматиками. Сочиненіе въ общемъ очень хорошее и степени кандидата заслуживаетъ вполне“.

14) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о сочиненіи студента *Давидовича Светислава*: „Дѣло Гуса и его отношеніе къ Православной Церкви“:

„Кромѣ небольшого введенія (стр. I—XXIII), гдѣ авторъ

опредѣляетъ мѣсто гуситства въ исторіи, высказываетъ свой общій взглядъ на него, говоритъ о важности и современности изслѣдуемаго имъ вопроса и намѣчаетъ планъ своей работы, сочиненіе г. Давидовича состоитъ изъ двухъ равномѣрныхъ частей (1—141; 142—288): исторической и догматико-критической.

Первая часть трактуетъ о причинахъ и обстоятельствахъ происхожденія гуситскаго движенія; излагаетъ исторію жизни и дѣятельности Гуса, съ особенною подробностію останавливаясь на Констанцкомъ соборѣ и его судѣ надъ Гусомъ; а затѣмъ сообщаетъ свѣдѣнія о послѣдующихъ судьбахъ гуситства до нашихъ дней, обращая при этомъ преимущественное вниманіе на отношенія гуситовъ въ Православной Церкви Востока и на ихъ съ нею сношенія.

Значительную долю второй части своего труда (142—192) авторъ посвящаетъ вопросу о томъ, подъ какими вліяніями создалось ученіе Гуса и вызванное имъ движеніе, при чемъ изслѣдуетъ въ отдѣльности вопросы о кирилло-меѳодіевскихъ преданіяхъ въ Чехіи и о вліяніяхъ на Гуса его предшественниковъ по реформаціоннымъ стремленіямъ, въ особенности Виклефа. Затѣмъ авторъ излагаетъ по пунктамъ догматическое ученіе Гуса, а также и его церковно-практическія воззрѣнія; посвящаетъ нѣсколько страницъ характеристикѣ друга и ученика Гусова Іеронима Пражскаго; предлагаетъ довольно подробный критическій обзоръ воззрѣній Гуса съ точки зрѣнія Православной Церкви и, наконецъ, даетъ нѣсколько замѣчаній объ ученіи позднѣйшихъ партій, на которыя раздѣлились послѣдователи Гуса.

Заключеніе сочиненія (стр. 288—297) лишь повторяетъ въ краткихъ чертахъ тѣ положенія, какія высказаны авторомъ ранѣе въ его изслѣдованіи.

Кромѣ основныхъ источниковъ, каковы напр. акты Констанцкаго собора, г. Давидовичъ пользовался при своей работѣ значительнымъ количествомъ научныхъ изслѣдованій на русскомъ, сербскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, каковы напр. труды: Новикова, Гильфердинга, Пальмова, Бильбасова, Елагина, Дювернуа, Вебера, Гейссера, Палацкаго, Ербена, Томека, арх. Фирмилиана, Гельферга, Лозерта, Фринда, Гольцгаузена, Гефеле и др., а также статьями русскихъ и сербскихъ журналовъ.

Такъ какъ вообще исторія Гуса, а также и частныя вопросы этой исторіи, какъ напр. объ обстоятельствахъ его осужденія, или о значеніи въ его дѣлѣ кирилло-меѳодіевскихъ преданій и вліяній Виклефа, уже основательно изслѣдованы въ трудахъ такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Палацкій напр. или Гильфердингъ, то нашему автору не было, конечно, возможности сказать какое-либо новое слово въ предметъ своего изслѣдованія. Его задача была скромная и состояла только въ томъ, чтобы изучить существующія по вопросу изслѣдованія съ провѣркой ихъ, по возможности, по источникамъ и затѣмъ представить добытые наукой результаты въ цѣльномъ и обстоятельномъ очеркѣ. Выполненіе авторомъ этой задачи можно признать удовлетворительнымъ.

Однимъ изъ замѣтныхъ недостатковъ сочиненія является частая бездоказательность его сужденій. Авторъ нерѣдко, высказывая то или другое положеніе, почему-то совсѣмъ не считаетъ нужнымъ его доказывать. Онъ рѣшительно отвергаетъ напр. „ошибочное“ мнѣніе, будто въ Чехіи до гуситскаго движенія сохранилась православная іерархія, но на какомъ основаніи—неизвѣстно (стр. 166 сл. 157). Столь же рѣшительно утверждаетъ онъ напр., что Миличъ вліялъ на Гуса посредствомъ своихъ сочиненій и что Гусъ многое заимствовалъ у Виклефа; но опять таки подтвердить это чѣмъ-либо не считаетъ нужнымъ (171, 178). На стр. 236 авторъ отрицаетъ, что Іеронимъ путешествовалъ по Литвѣ и Россіи по совѣту Гуса. „Нѣтъ“, говоритъ онъ, „Іеронимъ путешествовалъ по своему собственному почину“... и только. И подобныхъ примѣровъ въ сочиненіи г. Давидовича не мало.

Можно не разъ встрѣтить у нашего автора такія заявленія, которыя совсѣмъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. На стр. VП введенія авторъ заявляетъ напр., что „догматическое ученіе до 15 столѣтія не возбуждало серьезныхъ споровъ“. Конечно, онъ не сказалъ бы такъ, если бы вспомнилъ напр. о спорахъ Готшалковскомъ и Беренгаріевскомъ, или о сектѣ катаровъ и т. д. Никто не согласится съ авторомъ, когда онъ утверждаетъ, что „ученіе Виклефа было распространено почти исключительно между англійскою интеллигенціей“ (стр. 20). Странно читать у автора (стр. 159—160), что будто бы Гильфердингъ приписываетъ Восточной Церкви

обычай „причащенія младенцевъ *подъ обоими видами*“. У почтеннаго ученаго рѣчь идетъ только о причащеніи *младенцевъ*, а не о двухъ видахъ при этомъ причащеніи.

Не всегда авторъ соблюдаетъ и должную осторожность въ своихъ сужденіяхъ. Совершенно неумѣстно напр. онъ говоритъ о „лѣтливости и безопасности“ греческихъ іерарховъ (стр. 124). Чтобы произносить такія рѣзкія сужденія, нужно имѣть на это право, которое основывалось бы на серьезныхъ данныхъ, чего въ настоящемъ случаѣ у автора совсѣмъ не имѣется.

Нечистоту и неправильность языка сочиненія автору, какъ иностранцу, я не ставлю въ преступленіе; но не могу похвалить за нѣкоторую небрежность въ цитации. Очень часто авторъ въ ссылкахъ своихъ называетъ только автора и заглавіе сочиненія, предоставляя читателю самому искать на пространствѣ всего указаннаго сочиненія ту страницу, которая въ данномъ случаѣ должна служить подтвержденіемъ. Такой порядокъ, или точнѣе беспорядокъ, въ научномъ трудѣ допускаться не долженъ.

Для присужденія автору ученой степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Давидовича удовлетворительнымъ“.

15) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Драчева Николая*: „Выясненіе и опроверженіе философско-богословскихъ воззрѣній графа Л. Н. Толстого на главнѣйшіе предметы христіанской вѣры“:

„Сочиненіе г. Драчева, кромѣ введенія, въ которомъ онъ сообщаетъ краткія замѣчанія о рационализмѣ Толстого и о чрезвычайной распространенности его ученія и начертываетъ планъ своего труда, и заключенія, содержащаго замѣчанія о зловредности „толстовства“, распадается на два отдѣла. Въ первомъ, меньшемъ по объему, отдѣлѣ (17—147 стр.) даны не столько изложеніе, сколько характеристика богословско-философскихъ воззрѣній Толстого. Въ частности, въ первой главѣ этого отдѣла „выясняется ученіе графа Толстого о Богѣ“, во второй главѣ—о Христѣ Спасителѣ и о Святомъ Духѣ, въ третьей главѣ раскрываются воззрѣнія Толстого на ученіе Христа о безсмертіи, о воскресеніи мертвыхъ и о загробномъ воздаяніи, а въ четвертой главѣ—на ученіе Православной Церкви о благодати, о таинствахъ, о

почитаніи иконъ и мощей.“ Второй отдѣлъ содержитъ „критическій разборъ воззрѣній графа Толстого на главнѣйшіе предметы христіанской вѣры“, а именно, авторъ сочиненія въ первой главѣ доказываетъ, что „ученіе графа Толстого не можетъ быть названо богословской системой и тѣмъ болѣе оно не есть религія“ и не состоятельно какъ философская система; во второй главѣ раскрываетъ „невозможность для графа Толстого построенія морали любви внѣ началъ христіанскаго теизма“; въ третьей главѣ разъясняетъ „необходимость обновленія природы человѣческой и необходимость Божественной благодати въ нравственномъ совершенствованіи человѣка и значеніе церковныхъ обрядовъ въ религіозной жизни христіанина“; четвертая глава имѣетъ слѣдующій, не вполне точный, заголовокъ: „Ученіе графа Толстого не можетъ имѣть за собою авторитетности ученія Христа“. Эти слова даютъ поводъ думать, будто въ этой главѣ идетъ рѣчь о присвоеніи Толстымъ своему ученію такой же авторитетности, какая приписывается и принадлежитъ ученію Христа, а авторъ сочиненія испровергаетъ такую претензію Толстого. Но на самомъ дѣлѣ г. Драчевъ здѣсь доказываетъ, что Толстой неправильно понимаетъ и тенденціозно извращаетъ изложенное въ Евангеліяхъ ученіе Иисуса Христа о Богѣ, о Самомъ Себѣ, о Святомъ Духѣ, объ искупленіи, о воскресеніи мертвыхъ и о загробной жизни.

О задачахъ, методѣ и характерѣ сочиненія авторъ его говоритъ во введеніи слѣдующее: „Мы имѣли въ виду указать не только отрицательныя, но и положительныя воззрѣнія Толстого на главнѣйшіе предметы вѣры христіанской. Отсюда, напр., въ I-й гл. своего сочиненія мы обратили вниманіе на выясненіе того, какъ мыслить самъ Толстой абсолютное или Божество, во II гл. мы удѣлили часть вниманія на выясненіе того, въ чемъ полагается цѣль и смыслъ человѣческой жизни гр. Толстымъ при отрицаніи христіанскаго ученія о безсмертіи и жизни будущей. Во II-мъ отдѣлѣ своего сочиненія мы старались вездѣ полемизировать, стоя на той почвѣ, на какой стоитъ и самъ гр. Толстой. Такъ какъ графъ Толстой всему своему ученію стремится дать рациональное обоснованіе и отвергаетъ ученіе нашей Церкви, какъ будто бы противорѣчащее разуму, то мы въ первыхъ главахъ этого отдѣла имѣли въ виду показать, что на са-

момъ дѣлѣ то ученіе Христіанской Церкви можетъ ли противорѣчить нашему разуму и ученіе самого гр. Толстого выполнѣ-ли согласно съ началами разума. Съ другою стороны, такъ какъ гр. Толстой свое ученіе санкціонируетъ авторитетомъ Христа, т. е. выдаетъ его за понятое имъ подлинное ученіе Іисуса Христа, то въ заключительной главѣ своей работы мы имѣли въ виду показать, что ученіе Толстого можно ли на самомъ дѣлѣ признать за ученіе Христа.—Отсюда работа наша получила характеръ не апологетическій только, но и полемическій“.

Источниками и пособіями г. Драчеву служили прежде всего богословскія и философскія сочиненія самого гр. Толстого, почти всѣ. Къ ознакомленію съ ними онъ отнесся съ надлежащимъ вниманіемъ и извлекъ изъ нихъ значительное количество матеріала. Это дало твердую базу для его сочиненія и сообщило положеніямъ его и выводамъ опредѣленность и устойчивость.

Для уясненія и опроверженія ученія Толстого г. Драчевъ нашелъ обильный матеріалъ въ направленныхъ противъ этого ученія сочиненіяхъ Гусева, Козлова и многихъ другихъ писателей. Иногда онъ приводитъ изъ нихъ буквальные выдержки, иногда пользуется только взглядами и мыслями ихъ.

Не пренебрегъ онъ и нѣкоторыми сочиненіями, одобряющими ученіе Толстого. Напр., онъ ознакомился съ сочиненіями толстовца Оболенскаго и съ статьями о Толстомъ Н. Я. Грота и Н. Н. Страхова, помѣщенными въ журналѣ *Вопросы философіи и психологіи*.

Ознакомленіе съ разнообразнымъ и обильнымъ матеріаломъ, разсѣяннымъ по книгамъ, брошюрамъ и журнальнымъ статьямъ, облегчалось тѣмъ, что все это написано на русскомъ языкѣ. Изъ иностранныхъ книгъ у него была только *Жизнь Іисуса* Ренана на французскомъ языкѣ. Во второй главѣ перваго отдѣла своего сочиненія онъ проводитъ довольно обстоятельную параллель между ученіемъ Толстого о Христѣ и взглядами Ренана на лице и жизнь Христа и убѣдительно доказываетъ зависимость ученія Толстого о Христѣ отъ ученія Ренана.

Имѣя подъ руками обширный запасъ матеріаловъ, матеріаловъ, притомъ, большею частію, обработанныхъ, г. Дра-

чевъ удовлетворительно выполнилъ двѣ основныя задачи своего труда: выяснилъ существенные пункты богословско-философскаго ученія Толстого и показалъ несостоятельность его какъ съ философско-раціональной, такъ и съ библейско-богословскою точки зрѣнія.

Достоинствомъ сочиненія нужно признать и тонъ критики, спокойный, свободный отъ задора, голословныхъ упрековъ, -бесодержательныхъ общихъ мѣствъ.

Цитация достаточно точная.

Въ сочиненіи есть, однако, ошибки. Такъ на 268 стр. авторомъ книги „Премудрость и благодать Божія“..... названъ Д. Ф. Голубинскій. На 230 стр. слова Апостола Іакова приписаны Христу и ссылка сдѣлана на Евангеліе отъ Іоанна. На 307 стр. сказано, что о приверженцахъ естествознанія со временъ Дарвина стали думать, какъ о противникахъ всякой религіи и всякаго богопознанія. Но о нихъ такъ думали и раньше Дарвина. На 16-й стр. оцѣнка ученія Толстого, какъ отличающагося, будто бы, отвлеченностію, туманностію, малопонятностію, неопредѣленностію и неточностію въ выводахъ, едва ли справедлива: у Толстого мышленіе конкретное, слово образное, изложеніе ясное, выводы опредѣленны и строги. Встрѣчаются въ сочиненіи г. Драчева повторенія, хотя и незначительныя. Есть выраженія неудачныя: преодолюта (75 стр.), игнорировано (155 стр.), фигурируетъ (170 стр.), диллетантскія паренія ума парализовали эти чистые порывы сердца (264 стр.) и друг. Есть примѣры неправильнаго построенія фразъ (стр. 108, 229).

Сочиненіе г. Драчева даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія“.

16) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *іеромонаха Евгенія (Зернова)*: „Кириллъ, архіепископъ Подольскій и Брацлавскій, какъ проповѣдникъ“:

„Съ именемъ архіепископа Кирилла въ настоящее время многіе не соединяютъ никакого представленія. Но если бы мы могли жить въ его время, то увидѣли бы, что это имя было на устахъ многихъ. Оно было извѣстно даже при Дворѣ. Проповѣди Кирилла, выдержавшія четыре изданія, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что память о Кириллѣ многіе годы люди живо хранили и по его смерти. Для многихъ онъ какъ бы еще не былъ умершимъ и внут-

ренная живая связь, существовавшая между нимъ и его почитателями, какъ бы еще не прекращалась. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ, надѣленный разносторонними талантами: онъ—и ученый мужъ, онъ—и выдающійся администраторъ, самоотверженный архипастырь, онъ—и неутомимый проповѣдникъ. Возстановить жизнь и дѣятельность Кирилла, какъ проповѣдника, и взялъ на себя трудъ авторъ.

Авторъ не напрасно посвятилъ свой учебный годъ изученію проповѣднической дѣятельности Кирилла. Плодомъ его усидчивыхъ занятій было довольно значительное по объему сочиненіе о Кириллѣ, какъ проповѣдникѣ, состоящее изъ слѣдующихъ главъ.

Во введеніи авторъ говоритъ о планѣ своего сочиненія и т. д. Въ первой главѣ сообщаетъ довольно обстоятельно біографическія свѣдѣнія о Кириллѣ, его служеніи въ различныхъ школахъ, въ епархіяхъ—Московской, Вятской и Подольской, говоритъ объ отношеніи его къ дѣлу проповѣдничества. Отношеніе Кирилла къ великому дѣлу „служенія слова“ заслуживаетъ всякаго вниманія. Кириллъ не принадлежалъ къ безмолствующимъ архипастырямъ, не походилъ и на тѣхъ архипастырей, которые рѣдко говорятъ проповѣди и притомъ по какимъ либо случайнымъ причинамъ. Не проходило ни одного воскреснаго или праздничнаго дня, въ который онъ не предлагалъ назиданія своимъ слушателямъ (66—67). Онъ говорилъ, что богослуженіе, какъ бы оно ни было торжественно и содержательно, не должно оставаться безъ проповѣди. Какъ часто онъ проповѣдывалъ, видно изъ его помѣтокъ въ календарѣ за 1840 годъ (112). Благодаря ревностному прохожденію „служенія слова“, имя архипастыря Кирилла стало извѣстнымъ не только среди народа, но и при Дворѣ. Проповѣдничество его отмѣчается даже въ Монаршемъ рескриптѣ Кириллу. Высоко цѣня дѣло церковнаго учительства, Кириллъ старался паучить и пастырей не иначе смотрѣть на него. Съ этою цѣлію онъ дѣлаетъ цѣлый длинный рядъ различныхъ мѣропріятій, отличающихся осмысленностью, практичностью, жизненностью, благодаря чему они нисколько не утратили своего значенія даже до сихъ поръ (66. 82. 85. 91 и др.). Въ этой же главѣ мы находимъ у автора и характеристику Кирилла, какъ церковно-общественнаго дѣятеля (11—108). Во второй главѣ авторъ сооб-

щаетъ свѣдѣнія о числѣ проповѣдей архіепископа Кирилла, ихъ изданіи, излагаетъ гомилетическія воззрѣнія Кирилла и въ общихъ чертахъ направленіе, характеръ его проповѣдей. Здѣсь нельзя не отмѣтить критической проицательности автора въ опредѣленіи числа проповѣдей, произнесенныхъ Кирилломъ въ различное время. Что число напечатанныхъ проповѣдей не обнимаетъ собою всей проповѣднической дѣятельности Кирилла, это онъ доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ (108—133). Въ третьей главѣ авторъ излагаетъ содержаніе проповѣдей Кирилла. Такъ какъ въ проповѣдяхъ Кирилла затронуты почти всѣ вопросы христіанскаго вѣро-и-правоученія, то онъ излагаетъ весь этотъ обширный матеріалъ по извѣстнымъ рубрикамъ, какъ-то: догматъ воплощенія, ученіе объ ангелахъ, о счастіи, о злѣ и т. д. (133—245). Въ четвертой главѣ, продолжая излагать содержаніе проповѣдей Кирилла, авторъ говоритъ лишь о тѣхъ изъ нихъ, которыя были посвящены рѣшенію животрепещущихъ вопросовъ времени, какъ то: о невѣрїи и вольнодумствѣ, воспитаніи, объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, расколѣ, католицизмѣ и т. д. (246—283). Та и другая главы свидѣтельствуютъ о томъ, что авторомъ проповѣди Кирилла изучены самымъ тщательнымъ образомъ. Ничто имъ не было забыто и оставлено безъ всякаго вниманія. Для раскрытія той или другой мысли онъ постоянно приводитъ различныя параллельныя мѣста. Въ пятой главѣ авторъ говоритъ о формѣ проповѣдей Кирилла, способахъ раскрытія имъ различныхъ христіанскихъ истинъ, языкѣ, темѣ и тонѣ проповѣдей Кирилла (283—307). Въ заключеніи, суммируя все вышесказанное, авторъ дѣлаетъ характеристику проповѣднической дѣятельности Кирилла и указываетъ мѣсто его въ ряду проповѣдниковъ ему современныхъ и проповѣдниковъ послѣдующаго времени.

Доброе впечатлѣніе отъ сочиненія о. Евгенія еще болѣе увеличится, если принять во вниманіе, что сочиненіе написано правильнымъ чистымъ русскимъ языкомъ, по мѣстамъ отличается даже немалыми красотоми, почти совершенно свободно отъ иностранныхъ словъ (5. 8. 26. 104. 106. 210. 243. 249) и всякихъ недосмотровъ (10. 16. 67. 68. 100. 104. 123. 156). Прїятно встрѣчать въ немъ по мѣстамъ слѣды немалаго одушевленія, съ какимъ авторъ отнесся къ своему

дѣлу. Хорошо и то, что онъ все излагаетъ словами самого Кирилла, вслѣдствіе чего мысль проповѣдника не утрачиваетъ своей оригинальности и самобытности.

Въ качествѣ недостатковъ сочиненія можно отмѣтить слѣдующіе. Автору не удалось достать нѣкоторыхъ первоисточниковъ, не смотря на его занятія въ Академическомъ архивѣ, Румянцевскомъ музеѣ и другихъ книгохранилищахъ. Не говоримъ, конечно, о томъ, что автору не удалось изучить архивы Вятской и Подольской консисторій. Описывая проповѣдническую дѣятельность Кирилла, авторъ иногда сообщаетъ нѣчто лишнее, не имѣющее прямого отношенія къ дѣлу (20. 21. 32. 38. 41—42. 64. 72 сл. 81. 86 сл. 91. 93 сл. и др.), не достаточно основательно раскрываетъ ученіе о надеждѣ (195), мало говоритъ о проповѣдяхъ на социальныя темы (241). Почти ничего не говоритъ о вліяніи проповѣдей Кирилла на проповѣдниковъ послѣдующаго времени, равно какъ не ясно представляетъ и тѣ вліянія, подъ какими сложился проповѣдническій талантъ Кирилла. У автора нѣтъ ни слова объ Иннокентіи Херсонскомъ, современникѣ Кирилла. Говоря о современности проповѣдей Кирилла, въ качествѣ доказательства ихъ современности ссылается на проповѣди, въ которыхъ очень мало чертъ современности. Встрѣчается по мѣстамъ и внѣшняя связь (117. 125. 129. 281).

Не смотря на эти недостатки, которые нельзя считать особенно крупными, автора рассматриваемаго сочиненія признаю заслуживающимъ степени кандидата богословія вполнѣ“.

17) Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Егорова Владимира*: „Нитцше, какъ критикъ альтруизма, въ связи съ общою философско-богословскою оцѣнкою принципа альтруизма“:

„Рецензентъ не разъ давалъ студентамъ для обсужденія вопросъ объ альтруизмѣ, но въ сочиненіи г. Егорова въ первый разъ встрѣтилъ болѣе или менѣе удовлетворительное его рѣшеніе.—При сужденіи объ альтруизмѣ авторъ беретъ совершенно правильную точку отправления. Онъ показываетъ, что ученіе объ альтруизмѣ выросло на почвѣ, совершенно чуждой христіанству, и что, поэтому, его требованіе любви къ другому („любви другого больше себя“) по существу лишено истинно этическаго значенія, а по своимъ слѣдствіямъ

переходить въ эвдемонизмъ. Отъ *этого* альтруизма, и нехристіанскаго, и неистиннаго, онъ отличаетъ *другой* альтруизмъ, не исключаящій любви человѣка къ себѣ и имѣющій свое утвержденіе въ Богѣ. Разсужденіе совершенно правильное. Напрасно только авторъ, отличивъ истинную любовь къ человѣку (*любовь къ ближнему*) отъ мнимой и ложной (альтруизмъ), удерживаетъ и для первой тотъ же терминъ: понятіе „истиннаго альтруизма“ есть понятіе фиктивное и путаница въ наукѣ не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока мы будемъ безразлично употреблять терминъ „альтруизмъ“ для обозначенія обоихъ, столь существенно различныхъ, принциповъ этической жизни.—Вопросъ объ альтруизмѣ авторъ разсматриваетъ въ связи съ критикою его у Нитцше. Въ философіи послѣдняго онъ разбирается довольно удовлетворительно, хотя и не по первымъ источникамъ. Христіанская точка зрѣнія на вопросъ объ альтруизмѣ и индивидуализмѣ одинаково возвышаетъ его надъ этими односторонностями и приводитъ къ вѣрной оцѣнкѣ этихъ, равно ложныхъ, этическихъ принциповъ.—Изложеніе у автора правильное, мысль вдумчивая и наклонная къ углубленію. Языкъ выразительный и сильный. Сочиненіе читается легко и съ интересомъ. Не смотря на сравнительно незначительный объемъ, оно должно быть признано болѣе, чѣмъ просто удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

18) Экстраординарнаго профессора Ивана Андреева о сочиненіи студента *Знаменскаго Николая*: „Взгляды папы Льва XIII на отношеніе римско-католической церкви къ современнымъ общественнымъ движеніямъ“:

„Сила церкви, говоритъ одинъ американскій архіепископъ, заключается въ самомъ народѣ. Мы живемъ въ эпоху демократическую по преимуществу. Горе религіи, которая не пойметъ этихъ вещей. Царитъ тотъ, кто владѣетъ массами“. Распространеніе социалистическихъ ученій въ минувшемъ вѣкѣ, особенно со второй половины его, стало отторгать отъ католической церкви народныя массы. Чтобы удержать эти массы въ своей оградѣ, церковь вынуждена была заговорить языкомъ экономистовъ и социологовъ. Имѣтъ дѣло съ этимъ крупнымъ и сложнымъ явленіемъ, дать ему правильное теченіе выпало на долю главнымъ образомъ папы Льва XIII.

Эту дѣятельность папы и имѣть въ виду работа г. Знаменскаго.

Сочиненіе очень обширно и въ случаѣ напечатанія его могло бы составить книгу въ 600 страницъ. Состоитъ оно изъ введенія (стр. 1—119), самаго изслѣдованія (стр. 119—414) и приложеній (1—183 стр.).

Введеніе заключаетъ въ себѣ семь главъ. Въ цѣломъ своемъ составѣ оно имѣетъ въ виду дать раму, въ которую долженъ быть вправленъ вопросъ темы, и предлагаетъ сжатый очеркъ общественныхъ движеній въ Западной Европѣ въ теченіе всего 19-го вѣка и теорій, которыя отражали эти движенія.

Самое изслѣдованіе авторъ дѣлитъ на двѣ части: въ первой (стр. 119—335) онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ движенія въ пользу рабочихъ въ разныхъ странахъ развивались подъ покровомъ католицизма и какъ къ этимъ движеніямъ относился Левъ XIII, а во второй (стр. 336 до конца) онъ знакомитъ со взглядами папы по рабочему вопросу въ изложеніи систематическомъ на основаніи его энцикликъ.

Въ первой части девять главъ: первая изъ нихъ выясняетъ ту мысль, что все социальное-католическое движеніе вызвано ростомъ социализма, какъ противовѣсъ успѣхамъ этого послѣдняго; вторая говоритъ о социальномъ-католическомъ движеніи и его дѣятеляхъ въ Германіи, третья о томъ же движеніи въ Австріи, четвертая—во Франціи, пятая—въ Бельгіи, шестая—въ Швейцаріи, седьмая—въ Италиі, восьмая—въ Англии, девятая—въ Америкѣ.

Льву XIII приходилось отзываться на социальное-католическое движеніе во всѣхъ названныхъ странахъ. Все это понуждало его занять опредѣленное положеніе въ отношеніи къ движенію и формулировать свои взгляды отчетливо, что онъ и сдѣлалъ въ своихъ энцикликахъ. Объ этомъ авторъ говоритъ во второй части своей работы, которая содержитъ въ себѣ три главы. Въ первой авторъ слѣдитъ за воззрѣніями Льва XIII до занятія имъ папскаго престола и за постепеннымъ приближеніемъ его къ тѣмъ взглядамъ, которые изложены въ энцикликѣ о рабочемъ вопросѣ. Эту энцикликъ авторъ подробно анализируетъ во второй главѣ. Глава третья излагаетъ взгляды Льва XIII на демократію, какъ они сказались въ послѣдующихъ энцикликахъ. Въ за-

ключеніе главы авторъ даетъ очеркъ доктрины „христіанской демократіи“ по официальному изложенію въ „*Civiltà catholica*“.

Въ приложеніи помѣщены въ переводахъ съ языковъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго 34 документа, представляющіе собою тотъ основной матеріалъ, на которомъ опирается изслѣдованіе автора.

Касательно постановки дѣла г. Знаменскимъ можетъ быть сдѣлано только одно замѣчаніе: части сочиненія оказались не имѣющими должнаго равновѣсія. Введеніе могло быть короче безъ всякаго ущерба для дѣла. Тоже нужно сказать относительно первой части.

Но этотъ формальный недостатокъ въ общемъ заглаживается многими несомнѣнными достоинствами работы.

Авторъ въ достаточной степени ознакомился съ литературой предмета. Литература эта, конечно, не могла быть исчерпана во всей ея полнотѣ. Но авторъ знакомъ съ важнѣйшими сочиненіями и изучилъ всѣ главные документы. Объ этомъ говорятъ приложенія къ сочиненію, представляющія переводъ этихъ документовъ. Выполнить эту нелегкую работу можно было только при хорошемъ знаніи иностранныхъ языковъ. Г. Знаменскій очень свободно владѣетъ языками нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ. Такъ какъ тема требовала пользованія нѣкоторыми документами на итальянскомъ языкѣ, то авторъ усвоилъ въ достаточной степени и этотъ языкъ. Переводъ документовъ и выдержекъ изъ пособій въ текстѣ работы сдѣланъ совершенно литературно.

Нельзя не поставить автору въ заслугу того, что онъ быстро и вполне освоился съ основными понятіями и терминологіей социологическихъ наукъ. Авторъ въ соответствующихъ мѣстахъ пишетъ языкомъ, который ни въ чемъ не уступаетъ языку социологовъ-специалистовъ.—Распланировка матеріала во всемъ сочиненіи очень отчетливая, что дѣлаетъ чтеніе сочиненія г. Знаменскаго легкимъ и приятнымъ.—Въ общемъ слѣдуетъ признать, что тема попала въ такія рабочія руки, какихъ только можно было для нея пожелать.

Въ виду сказаннаго сочиненіе г. Знаменскаго даетъ ему полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

19) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Кедрова Сергѣя*: „Ученіе Оригена и Св. Григорія Нисскаго о загробной жизни“:

„О задачахъ, рамкахъ и характерѣ своего изслѣдованія авторъ его самъ даетъ слѣдующія указанія во введеніи и въ заключеніи: „Ученіе Оригена о загробной жизни понятно только при знакомствѣ съ общими положеніями его богословско-философскаго міросозерцанія. Изложеніе послѣднихъ мы и предпосылаемъ главѣ, посвященной раскрытію его взглядовъ на загробную жизнь, такъ что наше изслѣдованіе объ Оригенѣ распадается на слѣдующія три главы: 1) онтологія и космологія Оригена, 2) телеологія, промысль (точнѣе слѣдовало бы сказать: ученіе о промыслѣ) и сoterіологія и 3) ученіе Оригена о загробной жизни“. А относительно послѣдней, четвертой, главы, посвященной изложенію ученія о загробной жизни Григорія Нисскаго, онъ говоритъ, что она будетъ содержать въ себѣ—„а) основныя предпосылки къ ученію о загробной жизни, б) ученіе Св. Григорія Нисскаго о загробной жизни и в) оригенизмъ Св. Григорія Нисскаго“. Въ заключеніи, продолжаетъ онъ, мы намѣрены сказать хотя немного о состоятельности взглядовъ александрійскихъ мыслителей на загробную жизнь“.—„Ученіе обоихъ мыслителей, говоритъ онъ въ концѣ введенія, мы постараемся излагать ихъ собственными словами и оборотами, иногда прибѣгая прямо къ выдержкамъ изъ ихъ сочиненій“. Въ заключеніи онъ говоритъ: „Отъ подробнаго критическаго разбора доктрины нашихъ мыслителей, къ глубокому сожалѣнію, намъ приходится отказаться въ виду недостатка времени“.

Дѣйствительно, г. Кедрову не достало времени какъ для болѣе обстоятельнаго и подробнаго изслѣдованія ученія о загробной жизни Григорія Нисскаго, которому онъ удѣляетъ всего только сто страницъ своего сочиненія, немного болѣе четвертой части его, такъ и для подробной оцѣнки ученія обоихъ писателей о загробной жизни,—не достало потому, что слишкомъ много времени ушло у него на изученіе твореній Оригена. Правда, сочиненіе Оригена *О началахъ*, которымъ особенно широко онъ пользовался и которое имѣетъ особенную важность для его труда, недавно переведено на русскій языкъ. Но съ прочими многочисленными сочине-

ніями Оригена, въ которыхъ разсѣяны изреченія этого учителя о загробной жизни, ему пришлось знакомиться по подлинному тексту. Въ трудѣ его мы находимъ ссылки на сочиненіе Оригена противъ Цельса и на комментарий и бесѣды его на многія священныя книги Ветхаго и Новаго Завета, какъ то: на книги Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Исуса Навина, Псалмы, Пѣснь Пѣсней, Исаи, Іереміи, Іезекіиля, на Евангелія отъ Матвѣя, отъ Луки, отъ Іоанна, на посланіе къ Римлянамъ. Отыскать относящіяся къ предмету изслѣдованія мѣста въ этихъ твореніяхъ, перевести ихъ и извлеченный изъ нихъ матеріалъ привести въ систему, чтобы дать полное и цѣлостное изображеніе міросозерцанія Оригена и основаннаго на немъ ученія этого писателя о загробной жизни—вотъ что составляло главный трудъ г. Кедрова и важнѣйшее достоинство его сочиненія. Помощь ему въ этомъ трудѣ оказали кое-какія книги на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Очеркъ какъ общихъ философско-богословскихъ началъ ученія Оригена, такъ и въ частности ученія его о загробной жизни вышелъ достаточно полный, подробный и, что особенно нужно поставить въ заслугу автору, документальный.

Очеркъ ученія о загробной жизни Григорія Нисскаго мѣнѣ обстоятеленъ.

Есть въ сочиненіи выраженія неудачныя; таковы: экстенція (23. 196. 198 стр.), креатурность (44. 49 стр.), идентична (85 стр.), интерпреторъ (78. 142 стр.). На 182 стр. онъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ „демонстрировалъ предъ учениками бокъ и руки“. Слово комментарий на стр. 153. 154. 157. 162 онъ употребляетъ въ косвенныхъ падежахъ такъ, что кажется, будто онъ считаетъ его словомъ женскаго рода—комментарія. На 98-й стр. цитата изъ Церковной Исторіи Евсевія, почерпнутая, повидимому, изъ вторыхъ рукъ, не вѣрна.

Сочиненіе даетъ автору его право на полученіе степени кандидата богословія“.

20) Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Лебедева Николая*: „Педагогическія возрѣнія св. Димитрія Ростовскаго“:

„Сочиненіе г. Н. Лебедева написано по очень простому и естественному плану. Представивъ во введеніи краткую ха-

рактику эпохи св. Димитрія и самой личности его (стр. 1—25), авторъ посвящаетъ первыя двѣ главы изложению основныхъ метафизическихъ и этико-психологическихъ воззрѣній святителя на предметъ и задачи воспитанія (гл. 1, стр. 26—50; гл. 2, стр. 50—74). Въ главѣ третьей онъ излагаетъ и оцѣниваетъ мысли святителя о начальномъ семейномъ воспитаніи (стр. 75—102), а въ главѣ четвертой—мысли его о школьномъ воспитаніи (стр. 102—133). Глава пятая обрисовываетъ педагогическія приемы и средства, практиковавшіеся въ Ростовской школѣ св. Димитрія (стр. 133—165). Наконецъ, глава шестая даетъ намъ заключительную характеристику и оцѣнку педагогическихъ воззрѣній св. Димитрія и его школы; здѣсь же находимъ и сопоставленіе Ростовской школы съ Кіевскою коллегіей въ отношеніи учебномъ и нравственно-воспитательномъ (стр. 165—200).

Такая отчетливость и естественность плана сочиненія показываетъ, что авторъ внимательно обсудилъ и продумалъ имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ. Правда, матеріалъ этотъ не очень обиленъ. Зато изученіе его требовало особаго вниманія даже къ самымъ малѣйшимъ подробностямъ. И мы должны отмѣтить, что авторъ счумѣлъ оцѣнить и использовать въ своихъ цѣляхъ каждую, скольконибудь значительную, подробность,—каждую мысль св. Димитрія и каждую особенность его школы. Въ похвалу автору должно быть поставлено и то, что анализъ и обсужденіе этихъ подробностей чужды искусственныхъ натяжекъ и лишняго многословія. Рѣдко приходится читать такія сочиненія, въ которыхъ нѣтъ ничего лишняго и въ то же время отчетливо сказано все нужное....

Тѣмъ прискорбнѣе встрѣтить въ такомъ сочиненіи пренебрежительное отношеніе къ элементарнымъ требованіямъ русской грамматики. У автора вошли въ привычку такіе напр. переносы словъ: „неудивительно“ (стр. 23, 32), „предъявляемыми“ (стр. 51), „поэ-тому“ (91), „соотвѣтствующими“ (114), „приурочить“ (119), „выясненія“ (131); встрѣчается даже „достоинствъ“ (112)! Последнее, конечно, простой недосмотръ; но въ небольшомъ сочиненіи (только 200 стр.) не должно быть и такихъ недосмотровъ.

При всѣхъ такихъ погрѣшностяхъ сочиненіе г. Н. Лебе-

дева, по содержанію своему и изложенію, можетъ быть отнесено къ числу очень хорошихъ“.

21) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Лебедева Сергѣя*: „Взаимное отношеніе великокняжеской и митрополичьей власти на Руси отъ шестствія монголовъ до учрежденія патріаршества“:

„Относящіяся къ вопросу извѣстія источниковъ, собранныя авторомъ, не изучены полно и критически: лѣтописныя показанія напимѣръ берутся имъ изъ позднихъ сводовъ— Никоновской лѣтописи и Степенной книги, но не сопоставляются съ болѣе ранними и слѣдовательно болѣе надежными лѣтописями. Это недостатокъ, касающійся пользованія матеріаломъ. Въ его распредѣленіи и обработкѣ встрѣчаются также недочеты. Авторъ дѣлитъ исторію отношеній двухъ властей въ предѣлахъ указаннаго періода на двѣ половины: первая до смуты въ русской митрополіи по смерти митр. Алексія, вторая послѣ этой смуты до учрежденія патріаршества на Руси. Но онъ не только не выясняетъ, а и не считаетъ нужнымъ выяснять, почему бы не взять событіемъ, дѣлящимъ на двѣ половины исторію его вопроса, полученіе русской митрополіей независимости отъ константинопольскаго патріарха. Собранныя съ похвальной тщательностью данныя авторъ не обработалъ до такой степени, чтобы яснить себѣ ихъ внутренній смыслъ, усмотрѣть закономерность историческаго процесса изучаемыхъ имъ явленій; особенно слѣдуетъ это сказать относительно второй части сочиненія, гдѣ факты отношеній великаго князя и митрополита представляются эпизодами. Онъ не придавалъ достаточнаго значенія партіи іосифлянъ, которая имѣла представителей и на митрополичьемъ престолѣ, партіи, державшейся въ высшей степени характернаго взгляда на отношенія церкви и государства и послѣдовательно проводившей этотъ взглядъ въ жизнь. Вѣроятно вслѣдствіе такой неясности для себя г. Лебедевъ не заканчиваетъ сочиненія подведеніемъ итоговъ, не ставитъ послѣднихъ въ связь съ событіями послѣдующаго времени; свое сочиненіе онъ обрываетъ механически и не принимаетъ въ расчетъ, что событіе учрежденія патріаршества въ его вопросѣ не хронологическая только грань, а такое важное событіе, которое должно быть выяснено всею второй половиною изслѣдованія,—исто-

ріей взаимоотношеній государственной и церковной власти на Руси XV и XVI стол.

Не смотря на указанные пробѣлы сочиненіе г. Лебедева можетъ быть признано хорошей работой: въ немъ, какъ уже отмѣчено, тщательно (отчасти самостоятельно по источникамъ) собраны историческіе факты и явленія, характеризующіе отношенія высшихъ властей церкви и государства; частности истолкованы они правильно; рассказаны или описаны немногословно и вполне литературно“.

22) Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *іеромонаха Леониды (Свѣцова)*: „Св. Апостоль Петръ—его жизнь и благовѣстническіе труды“:

„Кромѣ краткихъ вводныхъ замѣчаній объ общемъ значеніи личности Петра, какъ апостола и благовѣстника Христова (стр. 1—20), сочиненіе состоитъ изъ восьми главъ, въ конхъ описываются жизнь и благовѣстническіе труды Апостола по тремъ главнымъ періодамъ. Въ первыхъ двухъ главахъ, посвященныхъ первому періоду жизни Апостола, даются: въ первой (стр. 21—70)—общія свѣдѣнія о родинѣ Апостола—Галилеѣ, Геннисаретской странѣ и озерѣ, Вивсаидѣ,—во второй (стр. 71—147)—предположительно изображаются рожденіе, обрѣзаніе, дѣтство и отрочество Апостола, его воспитаніе, семейныя отношенія и пр. под. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ описывается второй періодъ жизни Апостола, обнимающій собою евангельскую эпоху; въ третьей (стр. 148—247) говорится объ обще-іудейскихъ мессіанскихъ ожиданіяхъ, о явленіи Крестителя и пр.,—оканчивается глава избраніемъ Петра въ число двѣнадцати апостоловъ, его характеристикой и сообщеніемъ древнихъ свидѣтельствъ о его внѣшнемъ видѣ,—четвертая (стр. 248—396) излагаетъ евангельскую исторію примѣнительно къ личности Апостола и особенно тѣ событія, кои лично его касались—до страданій Господа,—а пятая (стр. 397—534) рассказываетъ о страданіяхъ Господа, Его смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ выясняется значеніе этихъ событій для нравственной личности Петра. Остальныя три главы содержатъ изложеніе третьяго періода жизни Апостола—до его мученической кончины включительно, — въ частности: глава шестая (стр. 535—733) изображаетъ дѣятельность Апостола отъ вознесе-

нія Господня до удаленія его изъ Іерусалима „въ другое мѣсто“ (Дѣян. 1, 1—12. 17),—главу седьмую (стр. 734—896) авторъ посвящаетъ изложенію и отчасти разсмотрѣнію древнихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ древне-христіанскимъ писателямъ и апокрифамъ, о пребываніи Апостола Петра въ Римѣ, его чудесахъ тамъ и борьбѣ съ Симономъ волхвомъ,—говорить о пребываніи Апостола въ Кесаріи Стротоновой, о посѣщеніи имъ Триполиса, острова Родоса, Антиохіи, о прибытіи его въ Іерусалимъ на погребеніе Богоматери и объ участи на Апостольскомъ соборѣ (Дѣян. 15-я гл.),—въ осьмой главѣ (стр. 896—1044), на основаніи церковнаго преданія, содержащагося въ свидѣтельствахъ древне-христіанскихъ писателей и апокрифовъ, авторъ съ приближенною историческою послѣдовательностію и вѣроятностію возстановляетъ жизнь Апостола послѣ Апостольскаго собора до его мученической кончины включительно: говоритъ о путешествіяхъ Апостола по Малоазійскимъ областямъ, о пребываніи его въ Вавилонѣ Египетскомъ (1 Петр. 5, 13), написаніи отсюда перваго соборнаго посланія съ краткимъ изложеніемъ его содержанія, о пребываніи Апостола въ Коринѣ, о путешествіи въ Римъ, написаніи здѣсь втораго посланія съ краткимъ изложеніемъ его содержанія, объ отношеніи Апостола Петра къ евангелію Марка и объ апокрифическихъ сочиненіяхъ извѣстныхъ съ именемъ Ап. Петра, о проповѣди Апостола въ Римѣ и его мученической кончинѣ съ изложеніемъ апокрифическихъ сказаній о ней. Наконецъ въ приложеніи дается дословный переводъ апокрифическихъ сказаній изъ *Πράξεις τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου* (стр. 1045—1054), *Μαρτύριον τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου* (стр. 1054—1092), и *Martyrium beati Petri apostoli a Lino episcopo conscriptum* (стр. 1093—1134), куда присоединяется общее заключеніе въ нѣсколько строкъ (1134—1135) и списокъ пособій съ оглавленіемъ сочиненія (1136—1140 стр.).

Это, болѣе чѣмъ бѣглое, обзорѣніе сочиненія о. Леониды поражаетъ громадностію и своего содержанія и своего объема. И въ этой громадности коренятся какъ недостатки, такъ и достоинства сочиненія, ибо можно принять за общее правило, хотя и не безъ исключеній, что количество труда у неопытныхъ сочинителей получается на счетъ его качества.

Къ недостаткамъ сочиненія, во 1-хъ, надо отнести чужую

переписку, хотя и давшую автору возможность представить работу сравнительно болѣе обширную, но за то неряшливую, исполненную всякаго рода недосмотровъ, даже безграмотностей, кои, какъ неисправленные, возлагаютъ отвѣтственность за себя на самого сочинителя. Таковы: Ceil, Berücksichtigung, Bibelverk, darf вм. durch, Ferkündigung, die Apostrophes Apostelgeschichten (въ спискѣ пособій стр. 1136—1140), Berachart вм. Berachoth (106), Иононъ (115), пороша (112), наиболѣе авторитетные кодексы: Грисбахъ, ТишENDORFЪ — читаютъ (285), весьма непростительно (въ переводѣ изъ Неандера словъ: sehr schwankend—вм. перѣшительно (стр. 901), de morto persecutum (1034), памятники отреченной римской (вм. русской) литературы (921), Evald (759), des Volk, Vieseler, Chronologiae apost. Zeitalters (744), apocryfa (848), что ты *маль* (вм. *лжешь* стр. 1084), *фон* (27), „*кладъ*“ вм. *плодъ* (797), уже другою рукою невѣрно написаны еврейскія слова на стр. 33 ср. 550 и др. мн. особенно въ цитагахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ, неизвинительныхъ въ ученой работѣ, неряшливостей прямо досадны тѣмъ, что затрудняютъ пониманіе смысла рѣчи автора (напр. „*кладъ*“ вм. „*плодъ*“, или „*маль*“ вм. „*лжешь*“), и безъ того неуклюжей и иногда неудобопонятной, особенно при перѣдкой неразборчивости почерка.

Во 2-хъ, отсутствіе литературной обработки стиля доходить иногда до неясности изложенія, запутанности длинныхъ періодовъ, непослѣдовательности и нестройности сочетанія мыслей, даже до неправильныхъ выраженій и нарушеній грамматическихъ правилъ. Примѣры: „послѣ вознесенія Господа на небо ученики остались безъ своего руководителя“—стр. 7 (очевидно авторъ хотѣлъ сказать „безъ *видимаго* руководства Спасителя“, но не сказалъ такъ по непривычкѣ выражаться точнымъ богословскимъ языкомъ),— „онъ (Петръ) первый выступилъ съ рѣчью о прославленіи Іисуса Назорея *давно ожидаемымъ Мессією* (ibid), — Господь, *при обращеніи* лично къ нему, *обращается...*, *давая* ему власть, Господь *даетъ* (5),—всѣ отцы стараются превзойти другъ друга *въ данныхъ Петру* эпитетахъ (9),—жадно *глотаетъ* въ себя свѣжій воздухъ... легкія, *не засоренныя* пылью пустыни Іудейской, дышать свободно (29),—въ Новомъ Заветѣ оно (Геннисаретское озеро) *слыло* моремъ галилейскимъ (33),—ученія, которое онъ *производилъ* (47), — воспи-

танные *оба* въ правилахъ благочестія *оба* брата—Петръ и Андрей (86),—этотъ (двѣнадцатилѣтній) возрастъ весьма важенъ въ исторіи еврейскаго мальчика (116),—св. Петръ дѣйствительно *всегда* выступалъ какъ *ораторъ* (223), — хлѣбъ, ядушій *котораго* не умретъ (280),—Ап. Петръ не имѣлъ *жестокосердаго* сердца (289), — изъ *жестокаго* (выраженіе не богословское, надо: строгаго) отвѣта Спасителя (322),—всѣ апостолы знали писаніе, но *никто такъ часто не пользовался имъ и такъ умѣло не прилагалъ къ дѣлу, какъ Петръ* (557), — Апостолъ впервые показалъ себя такимъ *умнымъ* (558), — Іустинъ хорошо *зналъ* всѣ *свѣдѣнія* (752), — онъ (Петръ) отнесся къ Нему (Спасителю) съ *высокомѣріемъ* (892),—но относительно значенія слова Вавилонъ имѣются *обыкновенно* три мнѣнія (922), — извѣстно изъ *факта*, что апостолы имѣли обыкновеніе распространять христіанство отъ востока къ западу (933),—что касается до *точного* опредѣленія времени пребыванія Петра въ Римѣ, то *въ точности* это трудно опредѣлить (1003). Вообще авторъ, какъ видно, пишетъ, не задумываясь надъ словомъ и фразою.

Въ 3-хъ, переводы съ иностранныхъ языковъ, и въ особенности съ классическихъ, при своей неуклюжести, литературной необработанности и нерѣдкой запутанности въ словосочетаніи, обилуютъ и прямыми неточностями, даже грубыми ошибками, зависящими столько же отъ торопливости работы, сколько, и даже гораздо болѣе, отъ отсутствія у автора классической школы. Таковы съ латинскаго: „онъ утверждаетъ о себѣ, что онъ *человѣкъ большой добродѣтели*“ (стр. 779), а надо: „онъ говорилъ о себѣ, что онъ есть *великая (нѣкая) сила Божія*—*qui se diceret magnam virtutem esse dei* (изъ Actus Petri cum Simone, ed. Lips. p. 48. lin. 23), — и вообще слово *virtus* нашъ авторъ часто невѣрно переводитъ русскимъ „добродѣтель“ (ср. стр. 794) или „доблестъ“ (843), — „увидите, что я влечу *чрезъ городскія ворота*“, надо: „летающимъ надъ городомъ“ (стр. 780) — *supra urbem volantem* (Lips. p. 48, lin. 32), — „показалась на *большомъ протяженіи* пыль“ (ib.), надо: издали—*a longe* (Lips. 49), —лат. *in saeculo* (Lips. p. 53, lin. 23 и 29) на стр. 791 переведено: „предвѣчно“, а на слѣд. 792-й: „въ сеѣ вѣкъ“ (Богъ послалъ Сына Своего), —лат. *circumvenerunt* изъ Псалм. 21, 17 (*psi мнози обидоша мя*) авторъ (792 стр.) переводитъ: „нечестивыя собаки,

которыя обманывали меня, какъ и пророковъ Господнихъ“ (Lips. *ibid.*),—„приди ему на помощь, молись о Божіемъ милосердіи, которое (?) въ такомъ большомъ числѣ сдѣлало рабовъ Божіихъ благодѣтельными“.... (стр. 796), надо: помоги ему и избавь его отъ этого заблужденія,—его, который въ такомъ большомъ количествѣ (изобиліи) благодѣтельствовалъ рабовъ Божіихъ своими милостынями (Lips. p. 55, lin. 21—22),—„теперь мы, по волѣ Божіей, воздаемъ должную награду тебѣ, который жалѣлъ о насъ и о господинѣ нашемъ“ (810), надо: по волѣ Бога, Который умилоостивился надъ нами и надъ господиномъ нашимъ—*per Dei voluntatem, qui nobis misertus est et domino nostro* (Lips. 61),—„кромѣ того, что“ дважды (стр. 1098) переведено латинское *post* (Lips. 1),—„упали у него оковы голеней, ослабленныхъ кандалами“ (1108), надо: упали у него съ голеней расторгшіяся оковы (букв. склепки отъ оковъ)—*cecidērunt illi fasciamenta ex crure demolita a compe* (Lips. 7),—„не забывайте тѣ знаменія, чудеса и разумъ (?), которыя вы видѣли“, надо: памяуйте о тѣхъ знаменіяхъ, чудесахъ и исцѣленіяхъ, кои вы видѣли—*mementote signorum et prodigiorum atque sanitatum quae..* (Lips. 12),—латинское *scema* (*est primi hominis*—Lips. pag. 17, lin. 19) авторъ невѣрно переводить: „это—*грѣхопаденіе перваго человека*“ (стр. 1126), между тѣмъ какъ надо: *это* (т. е. распятіе Ап. Петра внизъ головою) *есть образъ* (*scema* есть варварское и народное произношеніе греческаго *σχῆμα* вм. *σῆμα*). Образцы подобныхъ же неточностей и невѣрностей встрѣчаются и въ переводѣ съ греческаго: „чтобы повсюду, во всѣхъ частяхъ Италіи, было безопасно“ (1046), надо: чтобы онъ (Павель) отнюдь не пропагандировалъ въ предѣлахъ Италіи—*ἵνα παρτελεῶς μὴ ὀρμήσῃ ἐν τοῖς μέρεσι Ἰταλίας* (Lips. p. 180, lin. 7),—самъ онъ былъ откровеннымъ (? стр. 1049), надо: *плышивымъ* — *ἀναφάλαττος* или *ἀναφάλατος*, т. е. Диоскоръ, похожіи на Ап. Павла, почему и былъ обезглавленъ вмѣсто Апостола (Lips. p. 183, lin. 2),—„когда Павель сказалъ это и тому подобное“ (1056), надо: *говорилъ* — *ταῖτα καὶ τα τούτοις ὅμοια Παῦλον λέγοντος* (Lips. p. 120, lin. 10),—„церковь, не имѣющая ни взора, ни огорченія (стр. 1060), надо: *пятна или порока* — *βλῆλον—οὐδέ μῆμον* изъ Ефес. 5, 27 (Lips. p. 192, lin. 6),—„откуда и пророкъ Мельхиседекъ (?) говоритъ: ты—жрецъ на вѣки, согласно повелѣнію (стр. 1060), надо: *посему и пророкъ (Давидъ) гово-*

ритель: ты—священникъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову — ὄθεν καὶ ὁ προφήτης (Δαυὶδ) λέγει· οὐ ἱερεὺς εἰς τὸν αἰῶνα κατὰ τὴν τάξιν Μελχισεδέκ (Lips. p. 192, lin. 11—13,—p. 126, lin. 19—21, Tischendorf, p. 12 ср. Псал. 109, 4 и Евр. 5, 6),—„есть въ Иудеѣ государство (?)—оно называется Назаретомъ“ (1064), надо: *городъ, πόλις* (Lips. p. 134, lin. 2),—„образецъ письма“ (1066), надо: *содержаніе* письма таково—*περιεῖχον δὲ (τὰ γράμματα) οὕτως* (Lips. p. 196 и 134),—„ты думаешь, что я имѣю разсужденіе съ этими, которые совершили противъ меня заговоръ“ (1081), надо: *тебѣ угодно, чтобы я вступилъ въ разсужденіе съ этими людьми, составившими заговоръ противъ меня—δοκεῖς μετὰ τούτων ἔχειν μὲ διάλογον* (Lips. 154). Этими примѣрами однакожь далеко еще не заполняется скорбный листъ неточностей и невѣрностей перевода, встрѣчающихся въ сочиненіи о. Леониды и требующихъ отъ него дальнѣйшаго и не малаго труда по изученію подлиннаго языка научныхъ первоисточниковъ его работы.

Въ 4-хъ, и въ разсужденіяхъ автора есть также не мало частныхъ недостатковъ разнаго рода, недосмотровъ и погрѣшностей. Таковы: а) на стр. 77 имя отца Ап. Петра Іона—*Ιωνᾶς* (авторъ пишетъ *Ιωνα*) считается укороченнымъ отъ имени *Ἰωάννης* = יְהוָה = Iochanan и יְהוֹשָׁפָאֵל = Iehochanaan = Богъ милостивъ, а тремя страницами ниже (81) оно считается еврейскимъ יוֹנָתָן = Ionah = голубь, —б) успеніе Богоматери отнесено къ 57-му году и апостольскій соборъ къ 50 — 51 году, а между тѣмъ первое изложено прежде второго (стр. 842—855), —в) на стр. 938 авторъ допускаетъ возможность свиданія Ап. Петра съ Филономъ Александрійскимъ въ Римѣ, не обращая вниманія на хронологическую невозможность этого предположенія, —вообще въ сочиненіи отсутствуетъ хронологическое изслѣдованіе жизни Ап. Петра, —г) авторъ позволяетъ себѣ непозволительную въ ученomъ трудѣ цитацию Юсифа Флавія по Гаусрату (въ описаніи Галилеи на стр. 32), Философумень—по латинскому переводу (754), Григорія Великаго по аббату Геттэ (896), также Оригена, Епифанія (78, 901), Лактанція (996. 1034), Игнатія Антиохійскаго (993—994), пишетъ: „св. Илларионъ“ (83) и даже, dictu mirabile, свидѣтельство Ап. Павла о томъ, что „Ап. Петръ во время своихъ миссіонерскихъ путешествій имѣлъ при себѣ жену“ (надо: *сестру жену?*), авторъ цитируетъ не по 1 Кор. 9, 1, а

по „Hausrath’y Neutest. Zeitg. T. I, стр. 432 (на стр. 88),— д) въ первыхъ двухъ главахъ содержащіяся общія свѣдѣнія о родинѣ Ап. Петра, его семейномъ и общественномъ положеніи, воспитаніи и пр., лучше и научнѣе было бы излагать безлично и въ видѣ вводныхъ замѣчаній, а не примѣнять прямо къ лицу Апостола, какъ это дѣлаетъ авторъ, въ подражаніе историческимъ романамъ,—е) нельзя одобрить также нерѣдкихъ цитатъ изъ иностранныхъ авторовъ, когда въ этихъ цитатахъ нѣтъ ни научной доказательности, ни типичности фразы,—цитатъ, такъ сказать, безсодержательныхъ и для дѣла безразличныхъ (стр. 145—146. 227—228. 542. 543. 544—545. 557 др.),—ж) въ изложеніи и переводѣ апокрифовъ авторъ не указываетъ точно не только редакціи текста, но даже и главъ или параграфовъ, что крайне затрудняетъ провѣрку по подлинникамъ и въ ученое трудѣ не позволительно,—и вообще по отношенію къ апокрифамъ отъ автора можно бы пожелать не изложенія и перевода ихъ только, но и, хотя бы даже какой бы то ни было, попытки опредѣлить ихъ историческое значеніе и выдѣлить въ нихъ достовѣрное отъ легендарнаго.

Въ 5-хъ, наконецъ указать надо на нѣкоторую бѣглость или поверхностность по содержанію и сравнительную малость по объему (ок. 54 стр. изъ 1140=¹/₂₁) трактатѣ о столь важномъ предметѣ, какъ два каноническихъ посланія Ап. Петра, причемъ авторъ ограничивается изложеніемъ ихъ содержанія по труду преосв. Михаила,—о евангеліи Марка, написанномъ по воспоминаніямъ устныхъ сообщеній Ап. Петра, авторъ лишь кратко упоминаетъ,—большаго историческаго обследованія и литературнаго анализа требуютъ также рѣчи Апостола, содержащіяся въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, а также въ Апостольскихъ Постановленїяхъ и въ другихъ неканоническихъ и апокрифическихъ памятникахъ,—слѣдовало также войти въ ближайшія изслѣдованія апокрифовъ, извѣстныхъ съ именемъ Ап. Петра—уяснить, почему въ древне-христіанскомъ преданіи они усвоены этому именно Апостолу и есть-ли въ нихъ что либо дѣйствительно принадлежащее или, по крайней мѣрѣ, могущее принадлежать ему. Кстати считаемъ не безъинтереснымъ для автора указать на одинъ малонзвѣстный апокрифъ Апостола, именно: *одно изъ стихотвореній* (אֲשֶׁר־עָשָׂה לְפָנָיו פְּרָסָה=*prijütim*) *праздника дня очище-*

нія іудейская сага приписываетъ Симону Кифъ, т. е. Ап. Петра (см. Zunz, *Literaturgeschichte der synagogalen Poësie*, S. 5 flg.) Интересно конечно знать это стихотвореніе и сравнить его содержаніе и стиль съ посланіями Ап. Петра. Важно бы также изложить и изслѣдовать въ вообще іудейскія сказанія объ Апостолахъ Петрѣ.

Вообще авторъ излагаетъ только внѣшнюю исторію жизни Ап. Петра, мало касаясь внутренней и, такъ сказать, литературно-богословской и идейной стороны его личности.

Главнымъ и общимъ достоинствомъ сочиненія о. Леонида надо признать проявленное имъ далеко не заурядное трудолюбіе и весьма внушительную, заслуживающую полного уваженія обширность его работы.

Частнѣе это достоинство выражается: а) въ необычайныхъ размѣрахъ внѣшняго объема сочиненія—въ 1140 страницъ,— б) въ цѣльности и законченности его содержанія (внѣшняя исторія жизни Ап. Петра), объемлющаго обширный предметъ въ общемъ довольно полно, — в) и особенно въ изученіи многочисленныхъ и разноязычныхъ источниковъ и пособій по данному предмету, именно—источниковъ: каноническихъ писаній Новаго Завѣта, обширной древне-христіанской литературы, какъ отеческой, такъ и апокрифической (по изданіямъ и изслѣдованіямъ Тишендорфа, Липсіуса, Штихарта, Борберга, Порфирьева, Тихонравова, *Acta sanctorum* Болландистовъ и русско-славянскихъ житій святыхъ), и пособій: кромѣ немалаго количества существующихъ на русскомъ языкѣ—многихъ иностранныхъ—спеціально посвященныхъ жизни Ап. Петра (Morig, Niemeier, Fovard на франц. языкѣ, даже Ambrosi на итал. языкѣ), библейско-историческихъ (Неандеръ, Евальдъ, Шаффъ, Ренанъ, Гаусратъ, Вейцеккеръ, Нюсгенъ и др.) и экзегетическихъ: (Фельтенъ, Ланге, Кейль, Ольсгаузенъ, Мейеръ-Вендтъ, Кнабенбауеръ и др.)— всего до 61-ой книги, кои помѣчены авторомъ въ спискѣ пособій и съ коими несомнѣнное знакомство обнаруживаетъ онъ въ своей работѣ,—г) но съ особеннымъ, наконецъ, удовольствіемъ могу указать на обиліе превосходныхъ выдержекъ изъ св. Іоанна Златоуста, коего прекрасный стиль, мѣткій экзегезъ и глубокій нравственно-психологическій анализъ весьма оживляютъ работу автора, сообщаютъ ей красоту и придаютъ важность.

Въ виду указанныхъ достоинствъ своего труда о. Леонидъ вполне заслуживаетъ ученой степени кандидата богословія“.

23) Экстраординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Никольскаго Алексѣя*: „Исторія нашего печатнаго Служебника“:

„Давъ общее представленіе о современномъ Служебникѣ и древне-славянскихъ и греческихъ евхологіяхъ—ихъ разнообразіи въ отношеніи состава и текста, авторъ кратко говоритъ о дѣятельности митр. Кипріяна и Стоглаваго собора по части исправленія нашего Служебника, значеніи книгопечатанія въ дѣлѣ единообразія церковно-богослужебныхъ книгъ, задачъ своего труда и источникахъ его. „Мы имѣемъ въ виду“, пишетъ онъ, опредѣляя первую, „изслѣдовать исторію іерейскаго „простого“ Служебника, а поэтому и опускаемъ рѣчь объ архіерейскомъ Служебникѣ или Чиновникѣ“ (стр. 10). Сотвѣтственно тремъ періодамъ, усматриваемымъ авторомъ въ исторіи печатавшагося на Москвѣ Служебника, сочиненіе подраздѣлено на три главы. Первая довольно подробно трактуетъ о Служебникѣ 1602 г.: его издатель, рукописномъ оригиналѣ, особенностяхъ, достоинствахъ и недостаткахъ; объ исправленіи и переизданіяхъ книги при патр. Филаретѣ, Іоасафѣ I-мъ и Іосифѣ. Вторая глава (стр. 58 — 154) вся отведена „новоисправленнымъ“ Никоновскимъ Служебникамъ. Въ ней разсматриваются побужденія, руководившія патр. Никономъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, и „новыя начала“, внесенныя въ книжную справу при немъ; излагаются и довольно обстоятельно разбираются существующіе по этому вопросу взгляды старыхъ писателей и новѣйшихъ нашихъ ученыхъ и предлагается длинный рядъ соображеній и еще болѣе предложеній самого автора объ оригиналѣ Служебника 1655 г. и степени зависимости послѣдняго отъ южно-русскихъ изданій, греческаго печатнаго евхологія, тогочасовременной богослужебной практики на востокѣ и напечатанныхъ при нашихъ первыхъ патріархахъ Служебниковъ. Въ третьей главѣ (стр. 155 — 200) по извѣстному „Соборному Свитку“ рѣчь идетъ о „винахъ“ Служебника 1658 г. и произведенныхъ въ немъ измѣненіяхъ въ 1667 г., дѣятельности собора 1675 г. и патр. Іоакима по исправленію книги для послѣдующихъ изданій ея, объ особенностяхъ „Устава священнослуженія“

и „Учительномъ извѣстїи“ въ Служебникѣ 1699 г. Въ 1723 г. Служебникъ, по словамъ автора, принялъ извѣстный намъ. теперь его видъ, и это даетъ ему поводъ закончить на немъ его исторїю и высказать въ заключеніе вынесенныя изъ нея свои впечатлѣнія.—Изъ обширной исторїи нашего печатнаго Служебника автору рекомендовано было заняться главнымъ образомъ старыми московскими изданїями его и преимущественное вниманіе обратить на Служебники 1602 и 1655 годовъ. Онъ такъ и поступилъ. Но задавшись серьезною мыслию „показать, какія измѣненія или дополненія въ своемъ составѣ и болѣе существенныхъ частяхъ содержанія претерпѣлъ каждый Служебникъ въ сравненїи съ предшествующими и послѣдующими (?) изданїями и по какимъ потребностямъ или подъ какимъ влїяніемъ, по чьимъ указанїямъ происходили эти измѣненія и дополненія; какимъ критеріемъ руководствовались печатники и справщики при изданїи Служебниковъ въ томъ или иномъ видѣ“ (стр. 8), онъ и на половину не осуществилъ ея и удовольствовался, по чистосердечному признанію его (стр. 195), лишь „просмотромъ особенностей“ Служебниковъ, „какіе удалось найти“, и, добавимъ отъ себя, нѣкоторыхъ относившихся къ его темѣ „кавычныхъ“ книгъ. Надѣленный отъ природы посредственными способностями, не выработавъ навыка всегда ясно ставить себѣ цѣль и неуклонно преслѣдовать ее, а главное отчетливо излагать свои мысли, авторъ въ значительной степени обезцѣнилъ произведенный имъ трудъ. Важное и достовѣрное нерѣдко у него перемѣшано съ несущественнымъ и сомнительнымъ (см. для прим. стр. 2. 47 — 48. 49. 96. 132 и др.), а аргументація часто слаба, а иногда и совсѣмъ бездоказательна (стр. 35. 58. 78. 107 и др.), сужденія непослѣдовательны, сбивчивы и противорѣчивы (стр. 26. 96. 100. 103 и др.), полемика съ предшественниками наивна (стр. 179). Немногіе изъ выводовъ и литургическихъ свѣдѣній, добытыхъ г. Никольскимъ, могутъ быть приняты безъ оговорокъ и провѣрки. Недовѣріе вызывается и поддерживается между прочимъ его небрежною цитаціей и неряшливымъ вообще видомъ сочиненія, въ которомъ встрѣчаются изрѣдка синтаксически неправильно построенныя фразы и грубыя орфографическія ошибки (миряне, штрифтъ, стр. 15. 20. 21. 45. 47. 100. 114 и др.), а отсутствіе знаковъ препи-

нанія или же не вѣрная ихъ разстановка составляютъ обычное явленіе. Но рядомъ съ этими недостатками нельзя не видѣть въ сочиненіи отъ начала и до конца его труда автора и труда не малаго, кропотливаго и утомительнаго. Авторъ близко познакомился съ разсматриваемой богослужебной книгой, сличалъ не—московскія изданія Служебника съ московскими и послѣднія между собою; свѣрялъ „кавычныя“ книги съ ихъ печатными копіями, изучилъ небольшую относившуюся къ его темѣ литературу. Словомъ г. Никольскій работалъ въ мѣру своихъ силъ и умѣнья, занимался въ разныхъ бібліотекахъ, т. е. при необычныхъ условіяхъ. Его рѣчи о Служебникахъ: 1646, 1652, 1667 и 1699 г.г. имѣютъ значеніе. Принимая во вниманіе удовлетворительное знакомство автора съ предметомъ и его старанія находимъ возможнымъ признать его сочиненіе заслуживающимъ степени кандидата“.

24) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Онтлика Константина*: „Метафизическіе и моральные элементы авестической религіи въ отношеніи къ религіи богооткровенной“:

„Эпиграфомъ своей работы г. Онтликъ поставилъ слова М. Мюллера, въ которыхъ покойный санскритологъ утверждаетъ, что „только тотъ, кто терпѣливо и безпристрастно обсудить всѣ другія исторически извѣстныя религіи, можетъ знать, что такое христіанская истина“. Нельзя вполне согласиться съ М. Мюллеромъ. Для вѣрующаго человѣка христіанская истина есть самоцѣнное и величайшее сокровище. Правильныя познаніе и оцѣнка этой истины обусловливаются чистотою сердца, а не сравнительнымъ изученіемъ религіи. За всѣмъ тѣмъ таковое изученіе должно быть признано имѣющимъ весьма полезное, богословско-образовательное и апологетическое значеніе. И г. Онтликъ, занимавшійся въ теченіе года изученіемъ авестической религіи и изложившій результаты своего изученія въ подлежащей работѣ, сдѣлалъ дѣло полезное для него самого и,—если, по работкѣ и исправленіи своего сочиненія, издастъ его печатно,—могущее оказаться полезнымъ и для многихъ другихъ.

Г. Онтликъ выясняетъ въ своей работѣ естественное тяготѣніе человѣчества (въ лицѣ древнихъ персовъ) къ добру, потребность для людей вѣрнуть въ потусторонній міръ добра и

вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность для естественнаго человѣка разрѣшить своимъ разумомъ важнѣйшія моральныя и религіозныя проблемы (о происхожденіи зла, о существѣ добра). Изложеніе г. Онтлика объективное. Онъ не старается получить изъ имѣющагося у него матеріала болѣе апологетическихъ выводовъ, чѣмъ сколько можно. Онъ пожалуй даже болѣе, чѣмъ можно было бы, скромнѣе въ своихъ выводахъ. Но такъ какъ противоположная крайность апологетовъ породила нежелательныя послѣдствія, то должно признать, что осторожность и скромность въ такомъ дѣлѣ заслуживаютъ только одобренія. Въ своей работѣ г. Онтликъ руководился главнымъ образомъ переводомъ и изслѣдованіемъ авесты Дармштетера. Это ставило его въ рискованное положеніе. Дармштетеръ—талантливый и трудолюбивый, но безспорно тенденціозный изслѣдователь авесты. Г. Онтлику угрожала опасность или слишкомъ подчиниться вліянію своего руководителя или стать съ нимъ въ слишкомъ рѣшительную оппозицію. Онъ не уклонился ни въ одну изъ этихъ крайностей. Онъ шелъ часто за Дармштетеромъ, но обыкновенно отступалъ отъ него—на мой взглядъ—тамъ, гдѣ нужно было отступать (въ вопросѣ о времени происхожденія гатъ, о взаимоотношеніи амшаспандовъ и александрійскаго *λόγος'α*). Такое правильное отношеніе къ дѣлу для г. Онтлика было тѣмъ труднѣе, что у него не было подъ руками капитальныхъ изслѣдованій объ авестѣ Гарлеца — противника Дармштетера по воззрѣніямъ, труды котораго могли бы значительно облегчить полемическую работу нашему автору. Въ своей работѣ г. Онтликъ сосредоточилъ вниманіе на существенномъ, не уклонялся въ сторону, мало останавливался на разсмотрѣніи второстепенныхъ деталей и подробностей. Свое сочиненіе онъ снабдилъ переводомъ многихъ гатъ. Появленіе въ печати этого перевода—сдѣланнаго хотя и не съ подлинника, а съ французскаго перевода—было бы полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу по исторіи религіи.

Для того, чтобы быть вполне обстоятельной и законченной, работа г. Онтлика нуждается и въ исправленіи, и въ существенныхъ дополненіяхъ. Не смотря на значительный объемъ сочиненія (VII+392+128 стр.) и на то, что въ сочиненіи нельзя указать ничего лишняго, въ немъ не находятъ себѣ разрѣшенія нѣкоторые естественно возникающіе

при чтеніи вопросы. Такъ, авторъ не однократно говоритъ о религиозной революціи, имѣвшей когда-то мѣсто у иранцевъ, сопровождавшейся подъемомъ религіознаго духа, за каковымъ подъемомъ потомъ послѣдовало обычное пониженіе. Но фактъ этой революціи у него совершенно не выясненъ. Не выяснены у него вообще историческія судьбы маздеизма. Онъ признаетъ, что первоначальный характеръ религіи былъ этическимъ, затѣмъ понизился до космическаго, затѣмъ произошла революція въ пользу высшихъ и благороднѣйшихъ религіозныхъ представленій, затѣмъ внутренній подъемъ духа смѣнился внѣшнимъ формализмомъ. Очень немного обосновано у автора въ этихъ его историческихъ представленіяхъ. Центральное лицо въ исторіи маздеизма, съ каковымъ лицомъ только и можно связать представленіе о религиозной революціи—Зороастръ авторомъ оставляется совершенно въ сторонѣ. Говоритъ авторъ о вліяніи Библіи на авесту, но вопросъ объ эпохѣ, характерѣ и размѣрахъ этого вліянія имъ не затрогивается. Иногда авторъ не дѣлаетъ разъясненій, нужныхъ для читателя. Такъ, нужно было бы разъяснить употребленное имъ чужое выраженіе на стр. 114—второ-Исаія. Такъ, при изложеніи ученія объ амшаспандахъ (166—172 стр.) авторъ не коснулся ихъ двоякаго счета (Агура-Мазда+6 или безъ Агура-Мазды тѣ же 6+Сраоша). На стр. 292 авторъ долженъ былъ объяснить понятіе Гаома (тоже, что ведическое Сома), да выясненіе этого понятія и его значенія въ авестѣ нужно и для пониманія древнѣйшей эпохи маздеизма. Было бы полезно автору остановиться на выясненіи упоминаемаго имъ въ приложеніи (32 стр.) Var Nirang—испытанія расплавленнымъ металломъ. Вообще авторъ мало останавливается на анализѣ обычаевъ и культовыхъ дѣйствій въ маздеизмѣ, между тѣмъ какъ въ такихъ отражается существо религіи.

Встрѣчаются у автора неточности и неправильности въ выраженіяхъ и переводахъ.

На стр. 34 авторъ называетъ Пфлейдерера знатокомъ иранской древности, Пфлейдереръ вовсе не иранистъ и извѣстенъ лишь, какъ богословъ и талантливый специалистъ по философіи религіи. На стр. 150 подобнымъ образомъ въ изслѣдователи иранской древности производится Шантели де ла Соссэй, но на самомъ дѣлѣ Шантели только издатель

результатовъ изученія и изслѣдованія Лемана, каковыми и пользуется нашъ авторъ.

Неточности и неправильности перевода должно указать на стр. 234 и 374—375, въ приложеніи на стр. 10. 33. 55. 72.

Есть формальные недостатки въ сочиненіи (напр., оно раздѣлено такъ: 1 часть, а вмѣсто второй части: приложенія).

При дальнѣйшей разработкѣ сочиненія автору нужно будетъ обратить вниманіе на отношеніе метафизическихъ и культовыхъ особенностей маизензма къ психологическимъ потребностямъ народа.

Затрудненіемъ для г. Онтлика при его работѣ должно было быть и то, что въ нашей школѣ мало отводится мѣста сравнительному изученію религій и ихъ исторіи.

Однако г. Онтликъ съ успѣхомъ преодолѣлъ эту трудность. Его сочиненіе показываетъ, что онъ съ пользою поработалъ годъ и что онъ достаточно подготовленъ къ тому, чтобы по намѣченному имъ предмету дать полезное изслѣдованіе“.

25) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента священника *Островскаго Феодосія*: „Иннокентій, архіепископъ Херсонскій, какъ проповѣдникъ“:

„Проповѣдническая дѣятельность Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, представляетъ собой одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашего проповѣдничества за 19 вѣкъ. Прошло почти 50 лѣтъ со дня его смерти (—1857 г.), а память о немъ живо хранится до сихъ поръ не только на страницахъ исторіи, но и въ сердцахъ почти всѣхъ русскихъ людей. Его знаютъ и на далекомъ сѣверѣ Россіи, и въ отдаленныхъ уголкахъ Сибири, знаютъ на Востокѣ и на Западѣ, 15 декабря 1900 года исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія великаго церковнаго витія. Сколько торжественныхъ ученыхъ собраній было посвящено памяти архипастыря-проповѣдника, сколько статей и замѣтокъ о немъ появилось во многихъ газетахъ, журналахъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Въ это время было воспомнано все болѣе выдающееся изъ жизни и дѣятельности великаго архипастыря. Въ этотъ день еще разъ Россія преклонилась предъ однимъ изъ лучшихъ своихъ сыновъ и духовныхъ руководителей, дала обѣтъ свято хранить его священные завѣты преданности св. Церкви и любви къ дорогой отчизнѣ. Вотъ обстоятельства, которыя побудили автора посвятить цѣлый учеб-

ный свой годъ изученію проповѣднической дѣятельности Иннокентія Херсонскаго.

Авторъ не терялъ своего времени напрасно. Въ теченіе всего учебнаго года онъ занимался съ особеннымъ усердіемъ и особенною любовью своей работой. Плодомъ его занятій явилось обширное сочиненіе въ 700 слишкомъ страницъ убористаго письма. Сочиненіе о. Θεодосія состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Въ введеніи авторъ предлагаетъ вниманію читателя краткую характеристику преосвящ. Иннокентія, какъ проповѣдника, говоритъ о планѣ своего сочиненія, методѣ, источникахъ и пособіяхъ, сообщаетъ свѣдѣнія о различныхъ изданіяхъ проповѣдей Иннокентія, дѣлаетъ очень умѣлыя и дѣльныя замѣтки объ этихъ изданіяхъ (1—29). Въ первой главѣ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о преосвящ. Иннокентіи. Предъ читателями живо проходятъ картины дѣтства великаго проповѣдника, жившаго въ убогой и бѣдной обстановкѣ, годы школьной жизни, начиная съ низшей школы и кончая высшей. Затѣмъ, предъ читателемъ проходятъ годы его служебной дѣятельности въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Особенно мастерски авторомъ описаны годы ректорства Иннокентія въ Академіи и его неотразимое, чарующее вліяніе на студентовъ Академіи, профессоровъ и свѣтское общество. Далѣе, идутъ годы его дѣятельности въ качествѣ епархіальнаго самостоятельнаго архіерея въ Вологдѣ, Харьковѣ и Одессѣ. Всюду онъ является предъ нами окруженнымъ ореоломъ вполне заслуженной славы: онъ и проповѣдникъ, онъ и служитель Божій, онъ и реставраторъ древнихъ обителей, создатель новыхъ храмовъ, устроитель новыхъ крестныхъ ходовъ, любитель торжественныхъ богослуженій, писатель богословъ. А его „ученныя пятницы“, на которыя безстрашно и безтрепетно собирались къ такому рѣдкому по дарованіямъ архипастырю преподаватели семинарій, гимназій, многіе изъ городской интеллигенціи, гдѣ бесѣда велась неударжимымъ потокомъ.... Наконецъ, предлагается характеристика его, какъ всесторонне и глубоко просвѣщеннаго человѣка, заставлявшаго многихъ удивляться своимъ познаніямъ во всѣхъ отрасляхъ знаній. Его бібліотеку считали не томами, а возами (29—92).

Во второй главѣ авторъ раскрываетъ взглядъ преосвящ. Иннокентія на проповѣдничество въ ряду различныхъ обя-

занностей пастыря, его заботы о процвѣтаніи проповѣдничества среди духовенства и отношеніе самого къ великому дѣлу церковнаго учительства (93—200). Въ—третьей главѣ авторъ говоритъ о внѣшней сторонѣ проповѣдей преосвящ. Иннокентія: формѣ, размѣрѣ проповѣди, частяхъ проповѣди, способахъ раскрытія извѣстныхъ мыслей, началѣ проповѣдей, сравненіяхъ, языкѣ проповѣди, иностранныхъ словахъ, психологическомъ анализѣ, говоритъ о выборѣ имъ темъ для проповѣдей и ихъ отношеніи къ запросамъ времени. Сообщаетъ также свѣдѣнія о произношеніи и различныхъ внѣшнихъ приемахъ, къ какимъ прибѣгалъ преосвящ. Иннокентій (201—308). Въ четвертой главѣ авторъ разсматриваетъ проповѣди самымъ обстоятельнымъ образомъ съ внутренней стороны, со стороны содержанія. Весь этотъ обширный матеріалъ авторъ разбилъ на группы и по нимъ его излагаетъ. Такъ, онъ излагаетъ догматическій, нравоучительный, историческій и церковнообрядовый элементы въ его проповѣдяхъ. Такъ какъ проповѣдникъ отличался необыкновенною отзывчивостью на всѣ современныя явленія и необыкновенною продуктивностью, то онъ не оставилъ безъ отвѣта почти ни одного вопроса изъ обширной области богословскаго знанія. Въ его проповѣдяхъ находится такой обширный матеріалъ, что на основаніи его можно написать курсы по догматикѣ, нравственному богословію и другимъ наукамъ. Благодаря кропотливо-тщательному изученію авторомъ проповѣдей преосвящ. Иннокентія, онъ составилъ почти цѣлые курсы по каждому изъ указанныхъ отдѣловъ (309—472). Въ пятой главѣ авторъ излагаетъ отношеніе преосвящ. Иннокентія къ наукѣ вообще и свѣтской въ частности, къ природѣ и ея явленіямъ, говоритъ о благѣ Русскаго народа, объ отношеніи христіанства къ соціальной сторонѣ народной жизни, къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ и общественнымъ явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ различное время. Говоритъ о проповѣдяхъ, произнесенныхъ Иннокентіемъ во время Крымской войны и о его патриотизмѣ, готовности умереть вмѣстѣ съ солдатами, поразительно заботливомъ отношеніи ко всѣмъ людямъ (473 — 624). Въ шестой главѣ авторъ говоритъ о вліяніи Иннокентія, какъ проповѣдника, на слушателей, начиная отъ высокопоставленныхъ лицъ и кончая малограмотными или даже совершенно не-

грамотными крестьянами, сообщает блестящіе отзывы о немъ, какъ проповѣдникѣ, принадлежащіе перу какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ писателей и людей различныхъ убѣжденій, настроеній и направленій. Приводитъ и неодобрительные отзывы о проповѣдническихъ трудахъ Иннокентія. Въ заключеніи авторъ высказываетъ свое личное мнѣніе объ Иннокентіи, какъ проповѣдникѣ (624—707).

Уже и изъ этого бѣлаго обзора содержанія сочиненія о. Теодосія видно, какъ много онъ пореботалъ для выясненія проповѣднической дѣятельности Иннокентія. Детальный же обзоръ сочиненія автора даетъ возможность обнаружить не мало и другихъ выдающихся особенностей сочиненія. Нельзя не сказать спасибо автору за то, что онъ изучилъ какъ источники, такъ и громадную литературу объ Иннокентіи самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ. Лишь немного въ данномъ случаѣ ускользнуло отъ его наблюдательнаго взора. Необыкновенно цѣнны его замѣчанія объ различныхъ изданіяхъ проповѣдей Иннокентія и особенно объ изданіи ихъ Вольфомъ (19—29). Изданіе это чисто „коммерческое“ и внѣшняя опрятность изданія не соответствуетъ внутренней сторонѣ изданія; она нисколько не удовлетворяетъ ученыхъ запросовъ читателя. Въ изданіи Вольфа очень много ошибокъ относительно мѣста, времени произнесенія Иннокентіемъ проповѣдей и времени ихъ появленія въ печати. Есть и такія грубыя погрѣшности въ этомъ изданіи, какъ напечатаніе одной и той же проповѣди въ различныхъ мѣстахъ одного и того же изданія (23). Нѣкоторыя изъ этихъ ошибокъ исправлены въ новомъ изданіи, но значительная часть ихъ осталась по прежнему и ждетъ, когда рука ученаго, а не рука коммерческаго издателя разберетъ ихъ и издастъ въ надлежащемъ порядкѣ. Цѣнны также результаты его изученія проповѣдей и со стороны содержанія. Авторъ всюду чувствуетъ себя полнымъ господиномъ своего дѣла. Излагая воззрѣнія по тому или другому вопросу, онъ свободно приводитъ почти каждый разъ много параллельныхъ мѣстъ изъ различныхъ его проповѣдей (326. 439. 575. 581. 650 и др.). Иногда онъ приводитъ въ данномъ случаѣ параллели даже изъ его переписки съ различными людьми (279 и др.). Критически относится онъ иногда и къ свѣдѣніямъ, какія приходилось встрѣчать ему у весьма